

ВЕСЕННИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья ДОНЦОВА
Анна и Сергей ЛИТВИНОВЫ
Татьяна УСТИНОВА

а также:

Наталья Александрова
Мария Брикер
Валерия Вербинина
Марина Крамер
Татьяна Луганцева
Наталья Солнцева

**Татьяна Игоревна Луганцева
Мария Брикер
Наталья Николаевна Александрова
Марина Крамер
Татьяна Витальевна Устинова
Наталья Солнцева
Дарья Донцова
Анна и Сергей Литвиновы
Валерия Вербинина
Весенний детектив 2009 (сборник)**

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177971
Весенний детектив: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33340-0*

Аннотация

Весна, любовь, подарки... Для своих читателей издательство «Эксмо» подготовило замечательный подарок! Это сборник ярких детективных рассказов от самых топовых и любимых авторов: Дарьи Донцовой, Анны и Сергея Литвиновых, Татьяны Устиновой. Наряду с мэтрами вас порадуют и другие широко известные авторы, чей талант и харизма – неоспоримы. О такой книге можно было только мечтать – и вот она перед вами! Под стильной обложкой вы найдете то, что дорого сердцу истинного почитателя детектива: ураган сюжетных поворотов, кульминацию чувств и счастливое окончание истории! Это подарок для вас, ваших друзей и близких!!!

Содержание

Наталья Александрова. Не плачь, Маруся!	4
Мария Брикер. Кастинг на чужую роль	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Весенний детектив 2009

Наталья Александрова. Не плачь, Маруся!

– Смотри-ка, Маруся, а ведь уже настоящая весна... – сказал Семен Петрович, вдыхая полной грудью свежий прохладный воздух.

Маруся не ответила, она в умилении наблюдала за птицами. Птицы и правда в этот весенний погожий денек буквально сошли с ума. Воробьи галдели как на базаре, синицы тренькали звонко, даже вороны каркали сегодня приятно для слуха.

– Хороший все-таки у нас район, – продолжал Семен Петрович, ничуть не обидевшись, что ему не отвечают, – вышел из дома – и через двадцать минут ты уже считаешь за городом, в лесу.

Лес действительно был почти настоящий – именно лес, а не парк. Конечно, в середине апреля еще сыrovато и на деревьях вполне могут быть клещи, но Марусе просто необходимо бывать в лесу. Да и Семену Петровичу свежий воздух не повредит.

Сквозь ветки еще голых берез проглянуло солнце, и в его лучах забелели первые цветки подснежников.

– Ох, Маруся! – обрадовался Семен Петрович. – Смотри-ка, первые цветочки!

Но Марусе было не до цветов. Ноздри ее раздувались, лапы разъезжались на сырой дорожке, рыжий хвост победно мотался, как вымпел. Какие уж тут цветы, когда вокруг столько упоительных запахов и мелкой живности!

Маруся припала на задние лапы и повела носом. Потом коротко и тонко взлаяла, что означало у нее полный восторг, и вдруг понеслась по лесу, не разбирая дороги, уши ее развевались по ветру.

«Учюяла кого-то», – в умилении подумал Семен Петрович, он обожал свою собаку и готов был если не на все, то на очень многое, только чтобы доставить ей удовольствие.

Так и сегодня, в воскресенье, Маруся подняла его ни свет ни заря – на дворе распевали птицы, и ей казалось, что, оставаясь в четырех стенах, она пропустит все самое интересное. Семен Петрович не ворчал и не кидался в нее ботинком, он без всякого сожаления выбрался из объятий Морфея и побрел за Марусей не на ближний пустырь, а в лес, что находился между проспектом и Выборгским шоссе.

Сейчас он встрепенулся и бросился вслед за Марусей – не дай бог, убежит. Весна все-таки, первобытные инстинкты...

Собака никуда не делась – она в упоении копалась в куче прошлогодних опавших листьев.

«Принесет в дом клещей!» – озабоченно подумал Семен Петрович. Но вид у Маруси был такой счастливый, что он решил махнуть рукой на предосторожности.

Собака снова гавкнула и еще быстрее заработала лапами. Листья взвихрились в воздухе темным облаком.

– Маруся, – притворно строго сказал, приблизившись, Семен Петрович, – что-то ты увлеклась...

Дальнейшие слова застряли у него в горле. Из кучи палой листвы высунулась рука. Семен Петрович по инерции сделал несколько шагов вперед и застыл на месте.

Рука была темной, вымазанной в земле, но несомненно женской – с маникюром яркого цвета. Солнечное утро померкло в глазах Семена Петровича, он отшатнулся от кучи листьев и дрожащим голосом позвал собаку.

Маруся, однако, не обратила внимания на хриплый шепот хозяина и в упоении продолжала рыть. Вот уже стала видна кисть и рукав какой-то одежды...

– Маруся! – рывкнул Семен Петрович и из последних сил пристегнул собаку на поводок.

Он оттащил упирающуюся Марусю в сторону, и тут силы окончательно оставили его, и Семен Петрович опустился на ксатати подвернувшийся трухлявый пенёк.

«Бежать! – стучало в голове. – Бежать отсюда немедленно! Ничего не видел, ничего не слышал... А то ведь затаскают потом... Скорее, пока никто не пришел...»

Он сделал попытку подняться, ноги не держали. Маруся поглядела на хозяина с немой укоризной. Против воли он снова перевел глаза на торчащую из листьев руку. Кто она – незнакомка, лежащая там? Судя по руке – молодая, привлекательная женщина. Что с ней стало? Сбили машиной на шоссе и спрятали труп, чтобы не отвечать? Или убили где-то далеко и привезли сюда, чтобы закопать, но поленились? А кто-то ведь ее ищет, на телефоне висит, ночей не спит... Нет, его долг, как честного гражданина, вызвать милицию.

Трясущимися руками Семен Петрович потыкал в кнопки мобильного телефона. Ответили сразу, велели ждать на месте, никуда не уходить, поскольку номер его телефона у них забит в памяти и свидетеля все равно потом найдут.

– Ребята, на выезд! – крикнул дежурный.

– Чего еще? – недовольно заворчал Жека, продирая глаза. – Смена уже кончается...

– Ничего, машина во дворе, как раз успеете обернуться.

– Что стряслось? – Валентин потянулся и помассировал шею.

– Да там один чудак труп нашел в лесу возле Выборгского шоссе...

– Возле Выборгского? – радостно ослабилась Жека. – Дак это же не к нам!

– К нам, Женечка, к нам, – протянул дежурный, – и не тяни время, машина ждет.

– Так это в том лесочке, что ли? – догадался Валентин. – Ох, горюшко!

Кусок леса между проспектом и шоссе был кошмаром их милицейской жизни. Место хорошее, удобное, и давно уже откупили бы его строительные компании, чтобы возвести там элитный дом или торгово-развлекательный центр. Но город наложил вето, поскольку на пересечении шоссе и двух проспектов планировалось построить развязку. Но планы – это одно, а дело – это совсем другое. Развязка существовала только на бумаге, а в лесочке царил криминогенная обстановка. Предприимчивые граждане давно уже проложили тропинку, чтобы сподручнее было идти от больницы к автобусной остановке, и только за последний год в лесочке случилось пять краж, два изнасилования и одно ограбление с тяжкими телесными повреждениями. Кроме того, один сильно подвыпивший гражданин едва не замерз насмерть, примостившись подремать зимой в сугробе, хорошо, что его нашла чья-то кавказская овчарка. От вида оскаленной морды, нависающей над головой, гражданин мигом протрезвел, да еще потом подал иск на овчарку за то, что перепугала. В общем, с этим лесочком у милиции была сплошная головная боль.

И вот теперь – здравствуйте вам, труп! Да еще ранним воскресным утром, под конец дежурства!

– Кузькина, вставай! – обратился Жека к аккуратному холмику, прикрытому красной стеганой курткой. – Всю жизнь проспий!

– Кузина, – невозмутимо ответили из-под куртки, – и я вовсе не сплю.

Груда одежды зашевелилась, и на свет показалась Галя Кузина – стажер и по совместительству фотограф. Жека привычно хмыкнул и зло покосился на Валентина, тот поежился. Со стажеркой был его прокол, тут он свою вину признавал полностью.

Когда месяц назад стало известно, что придут к ним в отделение девчонки из Школы милиции, в отделе находился только он один. Женька Топтунов бюллетенил, кого-то вызвали к начальству, кто-то был на вызове, короче, ответственное дело выбора стажера поручили Валентину, то есть капитану Мехреньгину. А он провозился с отчетами, потом долго бесе-

довал со свидетельницей – старухой восьмидесяти лет, терпеливо выслушивая, что с ней случилось в ранней юности – что было вчера, бабка припоминала с трудом. Короче, когда он вспомнил о важном деле, всех приличных девчонок уже расхватали и осталась только эта Галя Кузина. Даже начальник, подполковник Лось, увидев ее, крикнул и сказал, что это не девица, а недоразумение господне.

Маленького роста, в широченных штанах и бесформенной куртке, рыжие волосы стоят дыбом, как иголки у рассерженного ежа, нос картошкой, да к тому же усыпан веснушками – ну вылитый клоун, только кепки в клеточку не хватает! Кепка у нее, кстати, тоже имелась, велика на два размера, так что из-под козырька иногда и глаз не видно было.

Жека страшно обиделся на Валентина и не стеснялся выразить стажерке свое разочарование. Та, надо сказать, на его шпильки никак не реагировала, вела себя спокойно.

Эксперт Трубников уже сидел в машине, зябко поводя плечами. Нос у него был красный, глаза слезились.

– Закрывай дверь скорее, – просипел он, – от этих сквозняков простыл совсем...

Ехать было недалеко, минут семь.

– Васильич, – обратился Валентин к водителю, – ты высади нас тут, мы в горку пешочком поднимемся, туда все равно не доехать.

– И то дело! – оживился Васильич. – Пока вы там управитесь, я на заправку стоняю.

Поднявшись и выйдя на полянку, которая летом, надо полагать, была покрыта высокой травой, они издали увидели большую кучу палых листьев. Чуть в стороне сидел, прислонясь к дереву, бледный хлипкий мужчина с испуганными глазами. Рядом с ним скучал красивый рыжий сеттер.

Увидев милицейскую компанию, сеттер оживился и облаял всех чохом. Но чувствовалось, что делает он это не со зла, а просто от скуки.

– Ну и где тут у вас труп? – рявкнул Жека. – Устерегли?

– Вон там, – севшим от страха голосом пробормотал мужичок, – под листьями. Я ничего не трогал, это Маруся...

– Ай да Маруся! – бурно восхитился Жека. – Вот чего нашла! Может, она и дальше раскопает?

Валентин ткнул Женьку кулаком в бок – хватит, мол, дурака валять, свидетель и так весь на нервах, еще с ним потом возиться...

– Придержите собаку, – сказал он мужичку, – потом с вас показания снимем.

Они подошли к куче и палками стали разгребать листья. Вот рука показалась полностью, потом плечо, шея...

– Погоди-ка, – Жека с сомнением наклонился. – Опаньки! Вот тебе и здрассте!.. – Что же это вы устраиваете, гражданин Зябликов? – громким голосом вопрошал Жека. – Что же это вы делаете? Шутки, значит, шутить вздумали? А мы ведь, между прочим, вам не приятели, не у тещи на блинах находимся, а на работе. Как говорится, при исполнении обязанностей. Дежурство у нас, и пока вы тут приколоться решили, может, в этот самый момент кого-нибудь убивают! Или насилуют!

Жека был на высоте своего замечательного хамства, но в данном случае в полном праве. Потому что, когда раскопали кучу листьев, оказалось, что под ней лежит... манекен. Самый обычный манекен из магазина готового платья. Выполненный, правда, весьма качественно, так что со страху да сослепу вполне можно было принять его за полузакопанный труп. Тем более что свидетель видел только часть.

Мужичку стало совсем плохо. Он сидел, низко опустив голову, и мелко вздрагивал, слушая громогласные раскаты Жекиного голоса, разносившиеся по всему лесочку. Даже птицы примолкли, а может, вообще улетели от греха подальше.

– Вы бы хоть собаку свою послушали! – не унимался Жека, которому было ужасно обидно, что его разбудили и выгнали на выезд по ошибке, по ерунде. Жеке хотелось на ком-нибудь сорвать злость, и самым подходящим субъектом оказался провинившийся свидетель.

– Да никакая собака к трупам не подойдет и на пушечный выстрел! – орал Женька. – Она сядет в сторонке и примется выть, а ваша, сами говорили, копала с увлечением! Умная у вас собачка, не чета хозяину!

Собачка и вправду была умна и, надо полагать, отлично понимала человеческую речь. Потому что она расслышала в словах Жеки что-то обидное для своего хозяина, зарычала и вцепилась в Жекины брюки.

– Маруся! – закричал потерявший голову хозяин. – Немедленно прекрати, тебя же арестуют!

– Может, хватит? – тихонько сказал Валентин, отзывая Жеку в сторонку. – Тебе не надоело цирк устраивать? Ну, ошибся человек... Тебе что, приятнее было бы сейчас с настоящим трупом возиться? Ну, выехали в лесок, воздухом подышали.

– Угу, и сколько еще дышать? – осведомился Жека, угрюмо взирая на напарника с высоты своих ста девяносто сантиметров. – Васильич, тот еще прохиндей, небось сейчас кому-нибудь холодильник на дачу везет. Сколько мы его прождем?

– Вы как хотите, ребята, а я пойду! – заявил Трубников, чихнув в сторону так громко, что последняя ворона сорвалась с елки и улетела. – Я тут от сырости бронхит схвачу!

– А можно мы тоже пойдем? – робко спросил свидетель. – А то Маруся нервничает...

По наблюдению Валентина, нервничала не Маруся, а сам Семен Петрович Зябликов – так представился свидетель.

– Э, нет! – Жека с новыми силами набросился на несчастного Зябликова. – Сейчас протокол будем составлять!

Валентин отошел к манекену. Стажерка Кузина возилась с фотоаппаратом.

– Тебе зачем? – полюбопытствовал он.

– Так, – она не подняла глаз, придавая манекену позу живого человека. То есть не так... живого трупа... Валентин совсем запутался.

– Как думаете, кому понадобилось выбрасывать манекен? – спросила Галя.

Мехреньгин и сам задавал себе этот вопрос. На первый взгляд вполне приличный неповрежденный манекен. Вещь-то, наверное, денег стоит – ишь как сейчас научились делать! Руки-ноги сгибаются, он и сам не раз видел, как в витрине манекены расположены в самых вольных и непринужденных позах.

– Да кто ж знает! – отмахнулся он. – У людей крыша поехала, готовы под собственными окнами свалку устроить!

И тут же он понял, что манекен вовсе не выбросили, а спрятали. Хоть и наспех, да закопали. И если бы не шустрая собака, то вряд ли бы так скоро нашли.

Капитан наклонился. Судя по одежде, манекен валяется здесь не так долго, несколько дней. Одежда хоть и запачкалась, но в приличном состоянии.

– Валентин Иваныч! – несмотря на разницу в возрасте не больше десяти лет, стажерка упорно именовала его по отчеству, – а ведь одежда-то на нем дорогая...

– Ты откуда знаешь?

– Да вот, – она отвернула ворот свитера, – фирма приличная. А юбка и вовсе дизайнерская, вон какой крой интересный...

Валентин хмыкнул – где тут в мятой юбке, пахнувшей плесенью, она разглядела крой?

– Если манекен не нужен стал, – бормотала Галя, – тогда бы хоть одежду сняли, она больших денег стоит... Хотя...

– Что – хотя? – Капитан постарался, чтобы в его голосе не прозвучала заинтересованность.

– Одежда-то не новая, кто же такую на манекен надевает...

– Чего? – гаркнул неслышно подошедший Жека. – Чего вы тут возитесь? Кузькина, кончай фигней заниматься!

– Кузина, – не оглянувшись, спокойно поправила стажерка, – точно, ношенная одежда – ничего на ней не пришито, ценника нет, штрихкод снят, в магазине так не делают, куда же ее потом девать, когда с витрины снимут?

– Вот и выбросили за ненадобностью, – сказал Жека, – а вы дурию маетесь...

– И потом... – продолжала Галя, полностью игнорируя Жекино замечание, – уж вы меня извините, но ни один продавец манекен в таком виде не выставит. Одежда совсем неподходящая. Сами посудите: свитер кашемировый, бирюзовый, а к нему юбка легкая летняя, малиновая с цветами! Да любой магазин мигом прогорит, если такое на свои манекены наденет!

– Да ты-то откуда все это знаешь? – заржал Жека.

Сам Валентин едва сдержал улыбку. Слышать такие рассуждения от особы, одетой, как клоун в цирке, было, по меньшей мере, забавно.

– Ну, в театре каком-нибудь манекен был нужен... – пробормотал он, стараясь не смотреть на Галину кепку, надетую козырьком назад, и широченные штаны, из-под которых не видно было кроссовок.

– Тогда зачем выбросили? – Галя уставилась на него, сбросив кепку, рыжие волосы сердито торчали в разные стороны. – У меня подруга в театре работает – там знаете, какая нищета? Если какой спонсор расщедрится и даст денег на костюмы и реквизиты, то ему в ножки готовы поклониться! А тут – манекен, да еще шмотки на нем дорогие! Пробросаются!

– Загадочная история... – Мехреньгин проговорил это тихонько, но Жека услышал.

– Ну все, пошло-поехало! – Он махнул рукой и отошел, схватившись за телефон. – Васильич! Ты где ездешь, ешь твою налево!

Жека опасался не напрасно. Всему отделению было известно, как капитан Мехреньгин любит загадки. То есть не то чтобы любит, но если он чего-то не понимал, то терял сон и аппетит, и все думал и думал об этом непонятном. Иногда из таких его мыслей выходило что-то путное, но не всегда.

Вот и сейчас Валентин чувствовал, что загадка манекена овладела им полностью. Он вздохнул и присел рядом с Галей.

Волосы у манекена были хорошие, густые, красивого каштанового оттенка с блеском – ясное дело парик, но хорошего качества.

– Парик-то парик... – протянула Галя, – но смотрите...

Она дернула волосы, парик был приклеен. Причем наспех, потому что вблизи стали видны неаккуратные потеки клея.

– «Момент!» – авторитетно заявил Валентин, потянув носом.

Он задрал свитер. Под ним ничего не было, только манекен.

– Бывают некоторые извращения, – пояснил он Гале, – или ненормальные... Манекен похож на живую женщину, вот они и... Но тогда она была бы полностью одета – белье там, чулки...

– Я тоже об этом подумала, – ничуть не смутившись, ответила девушка, – но здесь не то...

Капитан Мехреньгин и сам чувствовал, что здесь – не то. Он внимательно ощупал юбку и в боковом кармане, сильно удивившись, нашел скомканную бумажку. Небольшой такой прямоугольник, отпечатанный не фабричным способом, а на обыкновенном принтере на не слишком плотной бумаге.

Капитан разгладил бумажку. Там было всего несколько слов и цифр. «Центр современного дизайна. Набережная Адмирала Макарова, дом 10».

И ниже: «22 июня 2007 года, 18.00».

Больше на бумажке ничего не поместилось – ни имени, ни фамилии, ни еще какой полезной информации.

– Билет, наверное, на мероприятие...

– Эй, господа сыщики! – крикнул Жека. – Машина внизу! Давайте скорее, а то Васильич еще какого перца подсадит со старой стиральной машиной!

– Мы ее так и оставим? – упавшим голосом спросила Галя.

– А куда же ее деть? – рассердился Мехреньгин. – Если с собой везти, так над нами все отделение смеяться станет! Ты вот что, одежду давай захватим, на всякий случай...

Галя блеснула глазами и вмиг стянула с манекена свитер и юбку, убрав все в неизвестно откуда взявшийся непрозрачный пакет.

Злясь на себя за сентиментальность, Мехреньгин забросал манекен, выглядевший беззащитно и жалко, листьями и хвоей. Билет, найденный в кармане юбки, он сунул в бумажник, зная уже, что долго ему там лежать не придется – как уже говорилось, капитан Мехреньгин очень не любил неразгаданных происшествий.

Однако в отделении выяснилась очень неприятная вещь. Позвонил капитан Стуков и слезно просил подежурить за него, он, дескать, никак не может, поскольку совершенно неожиданно приехала теща и ее нужно встретить. Должна была на следующей неделе, и Стуков заранее отпросился у начальства, а ей вздрогнуло притащиться сейчас, оказия какая-то вышла. И теперь мало того, что лишних три дня тещу терпеть, так еще и с дежурством проблемы.

Жека как услышал про это, так и сорвался с места, как резвый конь, так что пришлось оставаться Валентину.

Воскресенье для милиции день тяжелый, это все знают. Некоторые несознательные граждане считают, что выходной дан исключительно для того, чтобы напиться в стельку. После этого они начинают бурно выяснять отношения друг с другом и лупцевать своих жен или соседей – кто подвернется. Так что суетится капитану Мехреньгину предстояло с утра до вечера.

Анна Ивановна поставила на лестничную площадку две тяжеленные сумки, перевела дух и протянула было палец к кнопке вызова лифта. Однако лифт не работал – кнопка горела красным светом.

Анна Ивановна застонала в голос. Тащить такую тяжесть на девятый этаж пешком было выше ее сил. В сумках были с осени убранный в погреб картошка, две банки варенья, да еще огурчики. Все сохранилось отлично, дождалось весны, вот только тяжесть несусветная, а лифт не работает, очевидно, опять где-то застрял.

Анна Ивановна прислушалась и поглядела вверх. Так и есть: раздавалось равномерное хлопанье автоматических дверей – лифт застрял на втором этаже. Это было еще не так плохо – можно подняться и убрать из дверей то, что мешает им закрыться. Стиснув зубы, Анна Ивановна подхватила сумки и устремилась на второй этаж.

Дверям лифта действительно что-то мешало закрыться, но когда подслеповатая Анна Ивановна подошла поближе и увидела это что-то, сумки выпали у нее из рук, и лестница огласилась жутким криком. Дверям лифта не давало закрыться мертвое тело мужчины. Ноги его были в лифте, а голова на лестничной площадке, и бурая лужа крови растекалась на грязном бетонном полу причудливым пятном. На крик Анны Ивановны на лестничной площадке открылась всего одна дверь – справа от лифта, да еще за одной дверью раздался басовитый лай с художественными подвываниями. На пороге своей квартиры стояла молодая весьма легкомысленно одетая деваха – Ирка. Ирка работала барменшей в небольшой кафешке напротив, вся лестница это знала.

Увидев мертвого мужика, Ирка, вместо того чтобы помочь Анне Ивановне, сама заорала еще сильнее и чуть не хлопнулась в обморок. Как впоследствии выяснилось, она не выносила вида крови. Так бы стояли они и орали, если бы снизу не поднимался отставной майор Виктор Степаныч с шестого этажа.

Виктор Степаныч был ярким поборником здорового образа жизни и бегал по вечерам четыре круга вокруг школы и универсама. Свежий и румяный после пробежки, Виктор Степаныч, как человек военный, быстро оценил ситуацию, гаркнул как на плацу: «Тихо, бабы!», после чего схватил замолчавшую от изумления Ирку и впихнул ее в квартиру. Анна Ивановна тоже очнулась, подхватила сумки и хотела уже бочком прошмыгнуть мимо мертвого тела, чтобы отправиться домой. Но Виктор Степаныч поймал ее не глядя за рукав и хотел было поставить на лестнице, чтобы предупреждать проходящих соседей, однако по недолгом размышлении завел ее тоже в Иркину квартиру, справедливо посчитав, что Анна Ивановна немедленно сбежит от страха, если останется наедине с покойником.

Оставив дверь открытой, Виктор Степаныч взял тут же валявшийся в коридоре телефон и набрал 02. Когда милиция ответила, он четко изложил ситуацию и в ответ получил приказ ждать опергруппу. Ждали двадцать минут, потому что отделение милиции находилось в двух кварталах от их дома. За двадцать минут не случилось ничего особенного, только вернулся Иркин хахаль, которого ей приспичило послать за сигаретами. Увидев мертвого, хахаль затрясся мелкой дрожью, а когда он узнал, что вскорости прибудет милиция, дрожь его из мелкой перешла в крупную. Чтобы не терять времени даром, Виктор Степаныч начал предварительное следствие.

– Мужик этот – кто такой? Ирка, тебя спрашивают! – прикрикнул он.

– А я знаю? – вякнула было Ирка, но, поколебавшись немного, подошла к двери, вытянула шею, зажмурившись, потом открыла один глаз и с визгом шарахнулась обратно.

– Да ведь это Толик!

– Какой еще Толик? Говори толком!

– Толик из семнадцатой. У меня квартира шестнадцать. А у него – семнадцать.

– Это который с собакой? – вмешалась Анна Ивановна.

– Ну да, бультерьер у него, слышите, воеет? Чувствует, наверное.

– Тут Милица Владимировна раньше жила, – объяснила Анна Ивановна. – Она осенью умерла.

– Это я знаю, – кивнул Виктор Степаныч.

– Ну вот, а сын квартиру-то и продал этому. Месяца два он уже живет.

– Так, – протянул отставник, – кто же его приложил-то? Видно, стукнули чем-то тяжелым, когда из лифта выходил. Постой-ка, – он обернулся к Иркиному хахалю, который тихо клацал зубами на диване. – Кончай трястись, отвечай нормально. Ты в какое время за сигаретами выходил? Этого еще не было?

После долгого совещания с Иркой выяснилось, что выходил хахаль в четверть одиннадцатого, на площадке никого не было, а лифт вообще ехал вверх. Анна Ивановна со своей стороны сообщила, что вошла в подъезд без двадцати одиннадцатый, примерно конечно.

– А ты что так долго ходил? – спохватился Виктор Степаныч. – И какого черта трясешься?

– М-милиции боюсь, – вздохнул Иркин хахаль. – Сразу все на меня повесят.

– Бывал на зоне уже? – догадался отставник.

– Так, по малолетству. Но этого я не трогал, хоть он к Ирке и вязался. Я ему только сказал по-хорошему, чтобы он это дело прекратил.

– М-да. Положение у тебя аховое.

– Да что вы все спрашиваете? – нервно заговорила Ирка. – Вы сами-то когда вниз спускались?

– Я на лифте ехал, – строго сказал Виктор Степаныч, – ровно в 22.00. Значит, так. В 22.15 трупа еще не было, а в 22.40 он уже был. Значит, в течение двадцати пяти минут этот Толик пришел, его стукнули, и он упал. А ты не слышала, когда лифт открылся? – обратился он к Ирке.

– У меня телевизор орал, чтобы в кухне слышно было, – виновато ответила та, – я ужин готовила, отбивные... Ой! – Она метнулась на кухню. – Сгорело все! – раздался ее расстроенный крик.

– Тут человека убили, а ей отбивных жалко! – приструнил Ирку Виктор Степаныч.

Приехала милиция – три человека. Один принялся возиться с трупом, другой фотографировал, а третий, довольно молодой, узкоплечий и в очках, взялся опрашивать свидетелей.

– Моя фамилия Мехреньгин, – представился он, – это река такая – Мехреньга.

Наибольший интерес у него вызвала Анна Ивановна, как человек, первым обнаруживший труп. Виктора Степаныча пока отпустили, сказав, чтобы шел к себе, до него очередь дойдет, когда по квартирам опрашивать будут. Тот удалился, сильно обиженный.

Милиция еще покрутилась на лестничной площадке, звякнула для порядка в две оставшиеся квартиры. Там никто не открыл, потому что в пятнадцатой все семейство в отпуске, как пояснила Ирка, а в восемнадцатой живут две старухи, боятся воров и после девяти никому не откроют, хоть застрелись.

– А если преступление. Вот как сейчас? – Мехреньгин нацелился на Ирку очками.

– Ну, вы же сами видите. Хоть пожар, хоть наводнение, хоть тайфун, хоть цунами!

– Ладно, граждане, – вздохнул капитан, – пройдите в квартиру, дайте санитарам выполнить свою работу.

Милиция уехала, захватив на всякий случай подозрительного Иркиного хахаля. Лифт отключили до выяснения обстоятельств.

Накапав рыдающей Ирке валерианки, Анна Ивановна потащилась к себе на девятый этаж, кляня в душе мертвого Толика и себя, бестолковую дуру, что прособиралась на даче и не успела на более раннюю электричку. Тогда она добралась бы домой на час раньше и успела бы пройти по лестнице до убийства.

На следующий день капитан милиции Валентин Мехреньгин, сговорившись по дороге встретиться с участковым, отправился опрашивать свидетелей по лестничной клетке. Настроение у него было хуже некуда. Потому что предварительная прикидка ничего не дала. Убитый, Анатолий Матренин, проживавший по адресу Сиреневый бульвар, дом одиннадцать, квартира семнадцать, был рэкетиром. Работа его заключалась в том, чтобы обходить ларьки и маленькие магазинчики у метро и получать с них деньги. В качестве психологической меры устрашения он держал бультерьера по кличке Квазимодо. В мясных магазинах, кроме денег, бультерьеру давали натурой. И черт его знает, этого Матренина, кому он успел насолить? Вероятнее всего – многим... И ларечники, и свои могли с ним чего-то не поделить. Только если бы свои собратья его прикончили, то уж, верно, ножом или из огнестрельного оружия. Но врач однозначно сказал, что смерть наступила от удара по голове тяжелым тупым предметом.

Далее удалось выяснить, что вечером возвращался Матренин от любовницы. Несмотря на то, что у Матренина была отдельная квартира, а у любовницы муж, который, правда, часто отсутствовал, так как работал шофером-дальнобойщиком, она предпочитала принимать Матренина у себя дома, потому что боялась бультерьера. Бультерьер Квазимодо нрав имел очень крутой, а характер вспыльчивый и ревновал хозяина к знакомым женщинам ужасно.

Стало быть, в подозреваемые автоматически попадали муж любовницы и хахаль смазливой соседки Ирины Маркеловой, к которой Матренин, по ее собственному выражению, клеился. Муж любовницы находился в рейсе, а хахаль пока парился в камере, но с ним надо было что-то решать.

Кроме того, а на самом деле это была главная причина плохого настроения капитана, ему не давала покоя загадка манекена. Ужасно хотелось выяснить, кто же закопал несчастный манекен в лесу, напялив предварительно на него дорогие шмотки. А самое главное, почему он это сделал?

Участковый покуривал у подъезда на ласковом весеннем солнышке.

– Здоров, Пал Савельич! Как твое ничего? – приветствовал его Валентин.

– Нормально все, идем быстрее, а то дел у меня много. Значит так. В пятнадцатой муж с женой живут, они сейчас в отпуске, в шестнадцатой – Ирка Маркелова, ты ее видел. В семнадцатой Матренин жил, а в восемнадцатой – две сестры, Клавдия Андреевна и Глафира Андреевна. Типичные старые девы – котов имеют, не то двух, не то трех. Но жалоб на них никогда не поступало. Тихо живут, не склочничают. Приличные такие бабуся.

– Пойдем сначала к ним, побеседуем.

В восемнадцатой квартире долго изучали в глазок Павла Савельича, потом признали и впустили. Квартирка оказалась крошечная, но очень чистенькая. И старушки-хозяйки тоже были маленькие и аккуратненькие, в одинаковых черных платьицах, только у одной передничек в белую и синюю клеточку, а у другой – в розовый цветочек.

Старушки пили чай на кухне и пригласили товарищей из милиции. На столе стояли чашки в красный горошек и заварной чайник, покрытый ярким вязаным петухом. Уютно тикали ходики, чайник на плите пел старинный романс, не то «Калитку», не то «Не искушай» – в общем, атмосфера была самая приятная. Два полосатых кота, один – серый, а другой – рыжий, аккуратно ели рыбные консервы каждый из своей миски. На одной было написано «Миша», а на другой – «Гриша».

На все вопросы старушки доброжелательно отвечали, что спать ложатся рано, поэтому вчера вообще ничего не видели и не слышали. С соседом Анатолием они вообще мало контактируют, потому что, сами понимаете, другое поколение, ни ему с ними, ни им с ним неинтересно.

Конечно, ходили к нему разные люди, но редко, потому что бультерьер очень сердитый. Кстати, нельзя ли узнать, что теперь с собакой будет? Потому что воеет, людей беспокоит.

– Надо специалиста из питомника вызывать, – вздохнул Мехреньгин, – простого человека этакий зверь ведь не подпустит.

Они с Пал Савельичем выпили чаю с недорогим печеньем и отправились дальше по квартирам. После этого обхода капитан Мехреньгин вышел и вовсе расстроенный, потому что картина не прояснилась, и теперь ему предстояла долгая процедура опроса всех друзей и знакомых потерпевшего Матренина на предмет выяснения, кому же он наступил на мозоль. Кроме этого, надо было срочно решать вопрос с бультерьером. Не помирать же собаке. Ишь как воеет, чувствует, наверное, что хозяина больше не увидит.

Откровенно говоря, капитану совершенно не хотелось расследовать это убийство. Судя по всему, убитый слыл малоприятным человеком, а проще – мелкой шпаной, никому от него не было пользы, а вреда он приносил много. Никто не пожалеет о нем – ни друзья, которых у него не было, ни соседи, с которыми он не общался, ни даже любовница. Вот бультерьер переживает, так, может, просто жрать хочет?

В таких грустных размышлениях капитан Мехреньгин распрощался с участковым и направился к себе в отделение, но по дороге был атакован кем-то лохматым и чрезвычайно симпатичным.

Рыжая сеттер Маруся на правах старой знакомой измазала грязными лапами его куртку и попыталась лизнуть в лицо.

– А, свидетель Зябликов! – усмехнулся Мехреньгин. – Что это вы тут делаете?

– Я тут живу, – робко ответил Семен Петрович. После вчерашнего инцидента он дал себе слово гулять только возле дома и даже на собачий пустырь за школой Марусю не водил.

– Хорошая у вас собачка, – при этих словах Мехреньгин помрачнел, так как вспомнил о страдальце бультерьере Квазимодо.

Он шел в отделение с главной мыслью – сесть плотно на телефон и вызвать специалиста из собачьего питомника. Но у родной двери его перехватила Галя Кузина. Сегодня на ней по теплой погоде была коротенькая курточка и обычные джинсы. Нельзя сказать, что в таком прикиде стажерка сильно похорошела, однако стала похожа на человека. То есть не на человека, а на мальчишку. Такого шустрого хулиганистого пацанчика, за которым нужен глаз да глаз.

– Валентин Иванович! – Галя слегка запыхалась, глаза ее азартно блестели. – Мы пойдем в тот Центр современного дизайна? Я туда звонила, они как раз сейчас открыты...

И капитан Мехреньгин дал волю своему любопытству, выбросив из головы несчастного бультерьера.

Капитан Мехреньгин остановился перед дверью, на которой красовалась табличка «Центр современного дизайна». Рядом с табличкой имелся звонок, а над звонком была криво прикреплена записка: «Жмите сильнее».

– Жми сильнее, Кузина! – распорядился капитан.

– Ну вот, как всегда! – проворчала Галина. – Всю тяжелую работу сваливают на женщин!

С некоторых пор, а именно – со вчерашнего происшествия в лесу, она стала удивительно языкастой. Возможно, это объяснялось отсутствием Жеки Сапунова. Валентин обходился с ней повежливее, в силу своего мягкотелого, как говорил Жека, характера.

Галя нажала на кнопку, вложив в это движение всю свою нерастраченную энергию.

Дверь тут же распахнулась, и на пороге возник длинный парень в черной водолазке и с оттопыренными розовыми ушами.

– Вы кто? – спросил он, оглядев посетителей. – Мы закрыты. Мы вообще отсюда переезжаем.

– Милиция! – проговорил Мехреньгин, предъявив лопухому свое служебное удостоверение в раскрытом виде.

– Татьяна Анатольевна! – крикнул парень куда-то за плечо. – Теперь он милицию прислал!

– Мы можем войти? – недовольно осведомился Мехреньгин, озадаченный таким приемом.

– Да входите уж... – буркнул парень, отступая в сторону.

Мехреньгин и Галина прошли внутрь.

Они оказались в просторном холле с зеркальными стенами. Слева от входа имелась обитая дерматином скамья, справа – металлическая пепельница на ножке. Видимо, холл по совместительству являлся курилкой.

Навстречу посетителям, отражаясь одновременно во всех зеркальных стенах, шла крупная краснощекая женщина с пышными рыжими волосами до плеч.

Капитан Мехреньгин, как уже говорилось, был человеком любопытным. И чтобы удовлетворить свое любопытство, почитывал некоторую литературу. И даже ходил иногда в музеи, благо их в нашем городе множество. Сейчас он подумал, что таких женщин любил изображать на своих полотнах французский художник Огюст Ренуар. Правда, он их обычно

изображал в более молодом возрасте. Эта же дама входила в тот возрастной период, который любил описывать в своих романах французский же писатель Оноре де Бальзак.

– Передайте своему Лебедеву, что это уже чересчур! Так и передайте – это уже чересчур! – воскликнула ренуаровская женщина бальзаковского возраста. – Это уже переходит всякие границы! Мы уже все равно освобождаем помещение... сначала налоговая, потом пожарная, а теперь уже милиция!

– Кто такой Лебедев? – осведомился Мехреньгин.

– А вы разве не от него? – недоверчиво переспросила женщина. – Он к нам уже налоговую инспекцию подсылал, и пожарную, и даже санитарного врача...

И она, кипя от возмущения, поведала капитану, что на помещение, которое занимает их центр, положил глаз некий полукриминальный бизнесмен по фамилии Лебедев.

– Он здесь пивную открыть хочет! – воскликнула дама, еще больше раскрасневшись. – И выживает нас всеми возможными способами!

– Я совсем по другому поводу, – капитан продемонстрировал даме свое служебное удостоверение и представился:

– Капитан Мехреньгин. Отдел по расследованию убийств. Это река такая, Мехреньга... на севере европейской части...

– Татьяна Анатольевна... – представилась в ответ ренуаровская женщина. – А при чем здесь ваша река? И при чем здесь расследование убийств? У нас пока что никого не убили, хотя я не удивлюсь, если Лебедев... это такой человек, который ни перед чем не остановится! Буквально ни перед чем!

– У вас, может быть, и никого, – перебил ее Мехреньгин, медленно продвигаясь в глубь помещения. – А в других местах, к сожалению, убийства пока еще случаются. И я в данный момент расследую одно из них...

Капитан бессовестно врал. В данном случае он не расследовал никакого убийства, он просто хотел выяснить, откуда взялся в лесу манекен.

Он достал из кармана прозрачный пакетик с билетом, найденным в кармане манекена, и спросил вежливым, но твердым голосом:

– Это ваше?

Ренуаровская женщина потянулась к пакету, однако Мехреньгин в руки ей его не дал, строго проговорив:

– Вещественное доказательство!

– Это наш билет! – призналась Татьяна Анатольевна, приглядевшись к вещдоку. – А в чем дело?

Тем временем они вошли в просторный белый зал, посреди которого стояла сверхсовременная металлическая статуя в позе крайней растерянности. На полу возле статуи валялось несколько картонных коробок, наполненных какими-то папками, альбомами и прочим движимым имуществом. Зал имел вид разоренный, только по стенам кое-где еще висели фотографии в металлических рамках.

– А чей это билет – невозможно установить? – продолжал расспрашивать Мехреньгин.

– Да что вы! – выдохнула Татьяна Анатольевна. – Как это можно? Хорошо, если я узнаю, на какое это мероприятие... дайте все-таки взглянуть поближе...

Мехреньгин очень неохотно отдал ей вещдок.

Татьяна Анатольевна взглядела в билет, почесала нос и наконец проговорила:

– Это на выставку «Красное на красном». Прошлым летом выставка проходила, в середине июня. Вот у нас и фотографии с нее сохранились... – И она показала на несколько висящих на стене снимков. – Выставка имела большой успех, приезжали известные дизайнеры из Москвы, даже из Лондона был человек...

Капитан повернулся к стене и принялся разглядывать фотографии. На них был изображен этот же зал, но только еще без признаков разорения, наполненный красивыми, хорошо одетыми людьми. В центре зала прохаживались манекенщицы, платья и костюмы на них были исключительно красного цвета.

Мехреньгин и сам не знал, что он хочет найти на этих фотографиях. Это напоминало детскую сказку «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

Похоже, что с этим билетом он вытянул пустой номер...

– Валентин Иванович! – потянула его за рукав Галина. – Посмотрите, вот же она!

– Кто – она? – недовольно переспросил Мехреньгин, вырывая рукав. – Кузина, кого ты там увидела?

– Не кого, а что! – выпалила практикантка. – Вон же та юбка, которая была на манекене!

Мехреньгин разглядывал лица присутствующих и не слишком приглядывался к их одежде. Теперь же он действительно увидел на женщине в первом ряду точно такую юбку, как найденная на закопанном в лесочке манекене.

– Мало ли похожих юбок! – пробормотал он, задумчиво приглядываясь к снимку.

– Мало! – перебила его Галина. – Валентин Иванович, это юбка редкая, дизайнерская!

При этом она подпрыгивала на месте от нетерпения и заглядывала в глаза капитану.

– Девушка правильно говорит, – поддержала ее Татьяна Анатольевна. – Наши посетители носят уникальную одежду, двух одинаковых юбок вы не встретите...

– А это кто в малиновом берете... то есть в малиновой юбке? – осведомился Мехреньгин.

Ренуаровская женщина приблизилась, взглянула на фотографию и уверенно ответила:

– Это Маргарита Короводская. Известный дизайнер... Впрочем, ее что-то давно не видно... кажется, с ней что-то произошло...

Капитан Мехреньгин встрепенулся, как старая полковая лошадь при звуке трубы.

Фамилия Короводская совсем недавно мелькала в разговорах его коллег, ее неоднократно упоминали на утренних планерках и летучках. Что-что, а память на фамилии у капитана была отличная.

– Вы уверены, что это Короводская?

– Ну конечно, – Татьяна Анатольевна кокетливым жестом поправила рыжие волосы. – У меня еще зрение в порядке... и память тоже... я вообще еще ничего...

Услышав эти слова, Галя Кузина фыркнула весьма громко, но Мехреньгин ничего не услышал.

– Спасибо, – капитан заторопился. – Вы нам очень помогли...

– Кто бы нам помог!.. – мечтательно проговорила ренуаровская женщина и вздохнула.

Но Мехреньгин ее уже не слушал. Он стрелой вылетел из дизайнерского центра и бросился к станции метро. Галина едва за ним поспевала, не задавая на бегу ненужных вопросов, за что капитан почувствовал к ней смутную нежность.

Ворвавшись в отделение, Мехреньгин едва не сбил с ног капитана Стукова, который с унылым видом спускался по лестнице.

– Ты чего несешься, как будто за тобой Чикатило гонится? – спросил тот, едва избежав столкновения.

– Вась, вот ты мне и нужен! – выпалил Мехреньгин, с трудом затормозив. – У тебя ведь на руках было дело Короводской?

– Издеваешься, да? – проворчал Стуков. – У меня это дело не на руках! Оно у меня уже вот где! – и он выразительно провел ребром ладони по горлу. – Только что Олегыч с меня стружку снимал! Натуральный всяк! Никаких зацепок...

– Ну-ка, расскажи, что за дело? – Мехреньгин ухватил коллегу за пуговицу.

– Да тебе-то зачем?

– Вась, а как твоя теща поживает? – вкрадчивым голосом осведомился Валентин.

– Лучше не спрашивай! – понурился Стуков. – Так ей у нас нравится, билет сдала, сказала, еще на недельку останется...

Чело его затуманилось, потом капитан взял себя в руки и пытливо взгляделся в глаза Мехреньгина.

– Ты что-то знаешь? Говори!

Но Мехреньгин на провокацию не поддался, тогда Стуков, вспомнив про дежурство, изложил ему суть дела.

Муж и жена Короводские жили в загородном доме. Муж – довольно крупный бизнесмен, жена – дизайнер одежды. Жили вроде бы хорошо. Но вся их налаженная жизнь рухнула две недели назад.

Муж улетел в Москву по делам, жена осталась дома.

Вернулся Короводский из Москвы на следующий день, около трех часов, открыл дверь коттеджа и буквально на пороге увидел окровавленный труп своей жены.

Коттеджный поселок «Комары» от города совсем близко, бригада приехала на вызов через двадцать минут. Судмедэксперт определил смерть от черепно-мозговой травмы, нанесенной тупым тяжелым предметом.

В таких обстоятельствах первый подозреваемый – муж, но господин Короводский предъявил билеты, доказывавшие, что он всего два часа назад прилетел из Москвы, тогда как смерть его супруги наступила самое малое двенадцать часов назад. А самое большее – пятнадцать.

– Откуда такая точность? Это эксперт такую цифру назвал? – переспросил Мехреньгин.

– Пятнадцать часов – это цифра точная, мы при опросе соседей нашли инвалида Скорпионова, который проживает в соседнем коттедже у своего сына, ему делать нечего, вот и пялится в окно. Так вот этот инвалид около двенадцати часов ночи видел в окне свою соседку.

Марианна Короводская сидела за компьютером и несомненно была еще жива.

Так что у мужа имелось пуленепробиваемое алиби.

Вырисовывалась следующая картина.

Некий неизвестный злоумышленник проник на территорию коттеджного поселка «Комары», выбрал коттедж Короводских, пробрался в него и приступил к поискам ценных вещей и денег. Хозяйка застала его за этим занятием, и грабитель убил ее первым подвернувшимся тяжелым предметом.

– Вот и ищем с тех пор этого неизвестного грабителя! – с тяжелым вздохом закончил Стуков свой рассказ.

– Может, этот сосед ошибся? – предположил Мехреньгин. – Ну, этот... Сколопендров! Может, не Маргариту он видел, а другую женщину?

– Скорпионов! – поправил его Стуков. – Не Сколопендров, а Скорпионов! И он под свою фамилию очень подходит... очень упорный дедушка, и клянется, что точно узнал соседку.

– Василий... – нерешительно начал Мехреньгин. – Ты мне «девяточку» свою не дашь, в эти самые «Комары» съездить?

Стуков согласился неожиданно для себя.

Капитан Мехреньгин подъехал к воротам и посигналил.

– Кто такой, по какому вопросу? – раздался откуда-то сверху усиленный динамиками скрипучий голос.

– Милиция! – Мехреньгин высунулся из машины, раскрыл свое удостоверение. Закрепленная над воротами камера негромко зажужжала, повернулась.

– Не вызывали! – проскрипел тот же голос.

– Понятно, что не вызывали! Я с Николаем Прохоровичем Скорпионовым поговорить хочу, по поводу убийства вашей соседки! Капитан Мехреньгин!

– Ладно, капитан, заезжай!

Ворота разъехались, и Мехреньгин въехал во двор.

Дверь дома была открыта.

– Поднимайся на второй этаж! – позволил ему прежний скрипучий голос из динамика над дверью.

Капитан поднялся по широкой лестнице, плавной дугой охватывающей холл, и оказался на галерее второго этажа, куда выходило несколько дверей. Одна из этих дверей неторопливо открылась. Капитан вошел в просторную комнату, обшитую панелями светлого дерева.

Возле большого окна в инвалидном кресле на колесах сидел старик с косматыми бровями и колючим взглядом маленьких, глубоко посаженных глаз. Он был похож на филина или какую-то другую хищную птицу, высматривающую в траве жертву.

– Капитан Мехреньгин! – снова представился гость, протягивая старику свой документ.

– Что за фамилия такая – Мехреньгин? – подозрительно переспросил тот, разглядывая красную книжечку.

– Эта река такая, на севере, Мехреньга, – привычно пояснил капитан.

Он бросил взгляд в окно. Прямо напротив него, метрах в двадцати, виднелся дом Короводских.

– Ладно, допустим! – старик вернул удостоверение. – Чего тебе надо, капитан? Я твоим коллегам уже все рассказал!

– Да вот, понимаете, Николай Прохорович, новые факты обнаружались. В свете которых хотелось бы кое-что уточнить...

– Какие еще факты? – проскрипел старик, сверля капитана взглядом.

– Не могу разглашать в интересах следствия! – как можно строже ответил Мехреньгин.

На самом деле ничего особенного у него не было, единственный факт – то, что юбка покойной Маргариты Короводской нашлась в лесу на манекене. Так если честно, то ничего это не доказывает. Может, она сама эту юбку кому-то подарила или выбросила. Мало ли, что дорогая, дизайнерская, у богатых свои причуды...

Однако старикан – крепкий орешек. У капитана возникло ощущение, что не он приехал расспросить свидетеля, а тот вызвал его к себе на допрос.

– Ладно, допустим... – проговорил старик, немного понизив голос. – Так что тебя интересует?

– Вы уверены, что видели свою соседку вечером накануне убийства?

– Склерозом не страдаю! – прокаркал свидетель. – Если говорю, что видел, – значит, видел.

– А вам ничего не показалось подозрительным? – не отступал упорный капитан. – Что она делала?

– Работала за компьютером, – отозвался старик. – Она часто работала по вечерам...

На этот раз Мехреньгину показалось, что его голос прозвучал не так уверенно. Даже смущенно. Как будто старик что-то скрывал. Или, во всяком случае, недоговаривал.

– Вы уверены, что это была она? – перешел капитан в наступление. – Вы уверены, что она была... жива? Все-таки здесь довольно далеко... и дело было вечером...

– Сорок лет в военной приемке проработал и ни разу не видел, чтобы покойники работали! – проскрипел старик, но теперь он уже оборонялся.

– Что-то я сомневаюсь! – Мехреньгин подошел к окну, всмотрелся. – Отсюда вряд ли можно что-то разглядеть...

– Не веришь, капитан? – Старик вспыхнул, лохматые брови поднялись, как у рассерженного фокстерьера. – Так я тебе сейчас покажу...

Он нажал на кнопку в поручне своего кресла, подъехал к книжной полке и взял с нее видеокассету. Вставил ее в видеомагнитофон, щелкнул пультом.

Загорелся плоский экран телевизора, Мехреньгин увидел соседний дом, ярко освещенное окно. Окно наполовину было задернуто занавеской, в открытой его части отчетливо виднелся женский силуэт.

– Знаю, что это незаконно... – проскрипел старик за плечом Мехреньгина. – Но ты, капитан, представь – я тут сижу один часами... сын приезжает только ночью, да и то не каждый день... Конечно, у меня все есть, и женщина приходит за мной ухаживать, но с ней не поговоришь... чистая гестаповка! Скучно, капитан! Телевизор этот теперешний смотреть не могу, еще не настолько отупел...

– Я вас не осуждаю... – проговорил капитан, не отрываясь от экрана. – Но здесь трудно что-то разглядеть... я не уверен, что это она, Маргарита... то есть потерпевшая...

– Ты погоди!

Действительно, изображение увеличилось, приблизилось. Теперь Мехреньгин отчетливо видел каштановые волосы, плечо, обтянутое бирюзовым трикотажем. Женщина склонилась над клавиатурой компьютера, лицо скрывалось в тени...

Тот же свитер, что на закопанном манекене!

В душе у Мехреньгина шевельнулось подозрение, которое начало перерастать в уверенность...

И вдруг женщина в окне повернулась, взглянув на что-то в глубине комнаты. Теперь она сидела спиной к окну. Золотистая занавеска колыхнулась, заиграл муаровый узор. Прошло еще несколько секунд, и женщина приняла прежнюю позу. Она какое-то время сидела неподвижно, затем снова шевельнулась, и тут свет в окне погас, особняк погрузился во тьму.

– Ну что, капитан, убедился? – голос старика снова звучал уверенно. – Я пока что все помню и на зрение не жалуясь! Если сказал, что видел, – значит, так оно и есть!

– Спасибо, Николай Прохорович! – проговорил Мехреньгин, отрываясь от экрана. – Вы мне очень помогли. А можно мне взять эту кассету... в качестве вещественного доказательства?

– Бери, капитан! – разрешил старик. – Мне для дела установления справедливости ничего не жалко!

Мехреньгин вынул кассету, простился со стариком и отправился восвояси.

Но всю дорогу до города он был мрачен и озабочен.

Казалось бы, видеозапись стопроцентно подтверждала алиби мужа убитой, однако что-то в ней Мехреньгина беспокоило. Что-то в ней было не так...

Едва он вошел в отделение, его перехватила Нина Савушкина, секретарша начальника.

– Валечка, шеф тебя ждет! – заверещала она своим высоким ненатуральным голосом и добавила шепотом, округлив глаза:

– Рвет и мечет! Просто не Лось, а тигр!

– Игорь Олегович, вызывали? – проговорил Мехреньгин, толкнув дверь начальника.

– Вызывали! – рявкнул подполковник, подняв на Мехреньгина тяжелый взгляд.

Если бы взглядом можно было испепелять – от капитана остались бы одни угольки. Мехреньгин ослабил узел галстука – ему стало жарко.

– Ты, Мехреньгин, деньги от кого получаешь? – пророкотал шеф, приподнимаясь из-за стола. – От общества защиты животных? Или от клуба любителей комнатного цветоводства?

– Никак нет! – ответил капитан, честно выпучив глаза.

– А от кого? – На этот раз голос подполковника прозвучал обманчиво мягко.

– От государства, конкретно – от органов защиты правопорядка...

– Тогда почему, – зарокотал начальник, – тогда почему, Мехреньгин, ты в рабочее время, вместо того чтобы заниматься своим прямым делом, за государственный счет удовлетворяешь свое личное любопытство?

Мехреньгин еще немного ослабил галстук. В кабинете шефа было действительно удивительно жарко, несмотря на работающий вентилятор.

– Что вы имеете в виду, Игорь Олегович? – попытался он снять напряжение. Но шеф не попался на эту удочку.

– Кому Игорь Олегович, а кому товарищ подполковник! – рявкнул он. – И вопросы здесь пока задаю я! Вот когда займешь мое место – тогда и будешь задавать! А конкретно я имею в виду, что у тебя убийство Матренина не раскрыто, а ты вместо этого делом Короводской занимаешься... Бегаешь с практиканткой, в бирюльки с девчонкой играешь! Ты ее должен своим примером вдохновлять, а вместо этого с толку сбиваешь... Забудь сей же момент про дело Короводской!

– Так оно же тоже не раскрыто... – тоскливо пробормотал Мехреньгин, отводя глаза и рассуждая мысленно, кто же его заложил. Стуков? Не в его это интересах. Жека? Быть не может! Наверное, кто-то случайно их со Стуковым разговор на лестнице слышал.

– Убийство Короводской не у тебя не раскрыто, а у капитана Стукова! Это его головная боль, вот пусть он им и занимается! А ты своей головной болью занимайся, делом Матренина...

– Я думал, мы все делаем одно общее дело... – проговорил Мехреньгин, разглядывая занавеску.

– Ты думал?! – оборвал его шеф. – Что-то незаметно! Если бы ты думал, прежде чем что-то делать...

Вентилятор на металлической стойке медленно повернулся, направив на Мехреньгина поток холодного воздуха. Ему стало немного легче, и в голове прояснилось. Он уставился на колышущуюся под сквозняком занавеску и вдруг выпалил:

– Вот как это все было!

– Ты, Мехреньгин, со мной разговариваешь или с кем-то еще? – удивленно осведомился начальник.

– Извините, Игорь Олегович, я сейчас!

– Куда?! – рявкнул шеф в спину Мехреньгина. – Я тебя еще не отпустил!

Но капитана уже и след простыл.

Он выскочил в коридор и помчался вниз по лестнице – в поисках Стукова.

Найти его удалось только в бистро «Три пескаря», где многострадальный Стуков утешался ухой с расстегаями.

– Садись, Валентин! – пригласил коллега Мехреньгина. – Ты чего такой вострепанный?

– Шеф взгрел!

– Первый раз, что ли?

– Да уж не первый... – Мехреньгин сел напротив Стукова и, нервно теребя край скатерти, спросил: – Слушай, Вася, у этого Короводского был мотив?

– У Короводского? – Стуков отодвинул тарелку и горестно взглянул на Мехреньгина. – Валентин, ты чего – пришел аппетит мне портить? Нехорошо это! У меня это дело и так вот где сидит! – он провел ребром ладони по горлу. – Да еще теща приехала! Дай хоть пообедать спокойно!

– Ну ты только скажи – был у него мотив?

– Алиби у него! Железное алиби! – проговорил Стуков измученным голосом. – Он с самолета напрямик домой приехал, а во время убийства был в Москве. Никак он не мог жену убить!

– А если бы не было алиби?

– Если бы да кабы... Ну, понятное дело, мужья и жены чаще всего друг друга убивают... Но ты же видишь – вечером она была жива, свидетель ее видел...

– Или думал, что видел... – пробормотал Мехреньгин.

– Вот только не надо этого! – проворчал Стуков. – Тоже мне – Эркюль Пуаро! Проще надо быть! Алиби есть алиби!

– Короче, насчет мотива ты ничего не знаешь?

– Не знаю и знать не хочу! – И Стуков снова принялся за уху.

Мехреньгин вернулся в отделение и выманил в коридор практикантку Галю Кузину.

– Галина! – сказал он, приглушив голос. – Ты никогда не хотела поработать в приличной фирме секретаршей... то есть, как это сейчас называют – офис-менеджером?

– Нет, – честно призналась Галина.

– А придется! – строго проговорил капитан.

– Но Валентин Иванович! – взмолилась Кузина. – Я всю жизнь мечтала работать в милиции! Я что – совсем не справляюсь? – Голос у нее задрожал, и Мехреньгин испугался, что она сейчас расплачется. Женских слез он не переносил.

– Наоборот, ты очень хорошо справляешься! – поспешил он заверить практикантку. – Поэтому я и хочу поручить тебе серьезное дело. Только это должно остаться строго между нами, никто, кроме нас двоих, не должен знать...

Галя смотрела на него сияющими глазами, пока он излагал дело.

– Конечно, я все сделаю, я постараюсь! Валентин Иванович, вы... вы просто... вы замечательный!

В конце коридора показался Жека.

– Задачу я перед тобой поставил, – строго сказал Мехреньгин. – Выполняй!

– Это вы о чем тут разговаривали? – с подозрением в голосе спросил Жека. – Что это за секреты в рабочее время?

– Да мы так, о личном... – махнул рукой Валентин, ему вовсе не улыбалось слушать Жекины нравоучения, что снова он занимается ерундой.

Он оставил Жеку в сомнениях, а сам отправился звонить в собачий питомник.

На площадке перед семнадцатой квартирой собралась целая толпа. Здесь присутствовали: участковый Павел Савельевич, как представитель местной власти, капитан Мехреньгин, как представитель власти центральной, слесарь из жилконторы Ахматкул, которого жильцы дружно переименовали в Рахатлукума (кто-то ведь должен открыть дверь) и два специалиста из собачьего питомника – один крупный и медлительный, другой – помельче и пошустрее. Кроме того, из-за спины Мехреньгина выглядывала соседка Ирка из шестнадцатой квартиры, проявлявшая острую заинтересованность в судьбе бультерьера Квазимодо.

– Пал Савельич, – адресовалась она к участковому, как к личности знакомой и невинной. – Я с работы обрезков мясных принесла, от свиной лопатки и от шеи, у нас от банкета стоматологов осталось, так я немножко песику со своего балкона бросила, он скушал... жалко же животное! Он уж сколько времени не евши! У меня еще несколько кусочков есть, я могу, когда дверь откроют, бросить... он отвлечется!

– Мы и так с ним запросто сладим! – отозвался вместо Савельича крупный собачий специалист, поигрывая мускулами перед смазливой Иркой. – Мы с таким собакевичем в пять секунд справимся! Никакие отвлекающие маневры не понадобятся! Нам не впервой! Правда, Серый?

Его более мелкий напарник неопределенно хмыкнул, прислушиваясь к доносящемуся из-за двери вою Квазимодо.

– У нас пули сонные имеются и прочее спецоборудование! – продолжал хвалиться крупный кинолог. – Мы вот на прошлой неделе дога бордосского повязали – вот это, я вам скажу, была операция! А буля обычного обезвредить – это пара пустяков! Правда, Серый?

Серый опять не ответил.

– Ну вы уж его не обижайте! – попросила Ирка, кокетливо поправив золотистую прядь. – Он же не виноватый, что так получилось! Собака – она ведь друг человека...

– Не беспокойтесь, ничего вашему другу не сделаем! Не впервой! У нас сонные пули и прочее спецоборудование имеется... сделаем этого буля в лучшем виде!

– Ну это надо же, как собака переживает! – подал голос Савельич. – Прямо мурашки по коже! Ну что, Рахатлукумушка, давай, что ли! Как, ребята, вы готовы?

– Всегда готовы! – отозвался крупный специалист.

Слесарь подошел к двери, заслонил ее собой и пару минут поколдовал над замком. Затем он отступил в сторону и произнес:

– Попрошу, значит... готова она!

– Это же как легко можно любую дверь открыть! – ужаснулась Ирка. – Такие деньги за замки платим, и в минуту отпереть можно!

– Попрошу посторонних отойти в сторону! – прервал ее крупный кинолог, мужественно выпятив грудь и приближаясь к двери. – От греха, как говорится!

За дверью внезапно наступила подозрительная тишина. Видимо, Квазимодо почувствовал, что освобождение близко.

Крупный кинолог поднял пистолет с сонными пулями и осторожно толкнул дверь. Ничего не произошло, и он, понизив голос, проговорил:

– Давай вперед, Серый, я тебя прикрою!

Его напарник безмолвно проскользнул в квартиру, и через секунду оттуда донесся собачий лай и человеческий вопль.

– Держись, Серега! – выкрикнул крупный кинолог и бросился на подмогу напарнику. Из-за двери донеслись выстрелы и звуки борьбы.

– Помочь ребятам надо! – озабоченно проговорил участковый и тоже вошел в семнадцатую квартиру. Через секунду оттуда донесся его голос:

– Рахатлукум! Давай сюда, без тебя не управимся!

Слесарь боязливо заглянул в квартиру, но все же подчинился участковому.

Капитан Мехреньгин некоторое время нерешительно стоял на пороге, прикрывая тылы группы захвата. Но потом он почувствовал, что дело развивается не по намеченному сценарию, и прошел внутрь, чтобы оказать помощь силам правопорядка.

Внутри он застал странную картину.

Все помещение было заполнено клубами пара, как парное отделение бани или сцена во время выступления рок-группы. В этом пару проступали мечущиеся фигуры слесаря, Савельича и крупного кинолога. Мелкий кинолог, отзывавшийся на имя Серый, так же, как и бультерьер Квазимодо, куда-то пропали.

Мехреньгин прошел вперед, протирая глаза и озираясь.

Посреди комнаты лежал мелкий кинолог, не подающий признаков жизни.

– Павел Савельич! – окликнул капитан участкового. – Что здесь происходит?

Савельич, горестно матерясь, ввел его в курс дела.

Когда передовые силы группы захвата в лице Серого вошли в квартиру, затаившийся Квазимодо выскочил из-за шкафа, налетел на кинолога и вцепился ему в ногу. Второй специалист, увидев угрожающую другу опасность, выстрелил хваленной сонной пулей, но в пылу сражения промазал и попал в своего напарника. Надо сказать, что пуля не подкачала: Серый

моментально отрубился. Квазимодо, почувствовав, что противник повержен и больше не представляет интереса, выплюнул его ногу и бросился в атаку на второго кинолога. Тот в испуге отскочил, споткнулся и налетел головой на батарею отопления. К счастью, голова его не пострадала, но батарея оторвалась от трубы. Из образовавшейся брешки забила горячая вода, отчего квартира и наполнилась паром. В настоящий момент Ахматкул устранял аварию, то есть единственный из всех занимался своим прямым делом. Уцелевший кинолог пытался привести в чувство своего менее удачливого напарника, а участковый пытался среди пара и суматохи отыскать Квазимодо.

– Да где же эта чертова собака! – восклицал Павел Савельевич, по третьему разу обегая квартиру.

На этот вопрос легко ответила бы Ирка, поскольку она осталась на площадке и видела, как бультерьер, устроив в квартире переполох, выскочил наружу и припустил вниз по лестнице.

Ирка хотела было бросить ему оставшиеся от банкета стоматологов обрезки свиной лопатки и шеи, но увидела грозную морду бультерьера и стремительно улизнула в свою квартиру.

Квазимодо вылетел во двор, как космическая ракета вылетает в открытый космос. Все дворовое население бросилось врассыпную, оставляя территорию во власти взбесившегося бультерьера. Единственный, кто не пустился наутек, был Семен Петрович Зябликов. Он не мог убежать, потому что его лучший друг, его единственная любовь, сеттер Маруся оказалась прямо на пути Квазимодо.

Семен Петрович бросился навстречу страшному зверю, чтобы спасти Марусю, принять на себя предназначенную ей страшную участь... но он явно не успевал, Квазимодо бежал гораздо быстрее.

Семен Петрович зажмурился, чтобы не видеть Марусину гибель. Он схватился за сердце, ожидая услышать ее предсмертный вопль и кровожадное рычание бультерьера...

Секунды шли одна за другой, но ничего не происходило.

Тогда Семен Петрович опасливо приоткрыл один глаз.

То, что представилось его взору, было совершенно непостижимо.

Маруся кокетливо склонила голову набок и бросала бультерьеру томные взгляды из-под ресниц. Квазимодо остановился, как будто с размаху налетел на невидимую преграду, и смотрел на прекрасную сеттершу в полном обалдении. Его крысиный хвост слегка шевельнулся, на морде появилась неуверенная ухмылка. Прислушиваясь к тому, что творится у него в душе, бультерьер сделал несколько мелких шажков к Марусе. Она склонила голову на другой бок и подмигнула ему – что же ты медлишь, дорогой?

Квазимодо отбросил всяческие сомнения. Долгое заточение в пустой квартире и даже потеря хозяина были забыты им, как дурной сон. Бультерьер страстно облизнулся и подошел к Марусе вплотную. Она припала на задние лапы и отпрыгнула от него боком. Квазимодо сломя голову ринулся за прелестницей в туманную даль.

– Маруся, вернись! – причитал осиротевший Семен Петрович, но никто его не слышал.

– Весна, – сказал вышедший из подъезда капитан Мехреньгин. – Что уж тут поделаешь...

В восемнадцатой квартире стояла тишина. Старушки, боясь скандала и шума, дверь на лестницу не открыли, зато припадали к дверному глазку, отпихивая друг друга. Они видели, как вышел из квартиры давешний приветливый капитан милиции с такой странной фамилией, видели, как спускался по лестнице расстроенный участковый Павел Савельич, сопровождаемый невозмутимым слесарем Ахматкулом. Не ускользнуло от их внимания и появление двух кинологов в самом плачевном виде. Сестры переглянулись с непонятным

выражением и тут же синхронно поджали губы, глядя на соседку Ирину из шестнадцатой квартиры, которая сердобольно хлопотала над одним из кинологов – маленьким и худым.

После того как на площадке все стихло и можно было оторваться от глазка, старушки посидели, помолчали немного, потом Клавдия Андреевна достала из буфета графинчик и две микроскопические рюмочки, а Глафира Андреевна – из холодильника блюдо с маленькими бутербродиками с красной икрой и копченой колбаской. Потом они удалились в комнату и благоговейно вынесли оттуда большую цветную фотографию черного с белыми лапками кота, увитую траурной шелковой лентой. Установив портрет на столе, сестры уселись напротив и налили в рюмочки домашнюю черносмородиновую настойку.

– Ну что, Клашенька, помянем Тришу.

– Помянем, Глашенька. Спи спокойно, родной наш. Теперь душа твоя уgomонится.

Старушки выпили и закусили бутербродами.

– Да, Глаша, – жуя и оттого невнятно заговорила Клавдия Андреевна, – все получилось очень удачно. А ты еще со мной спорила, что надо бультерьера отравить.

– Прости, Клаша, – повинилась Глафира Андреевна, – я как увидела, что он с Тришенькой сделал, прямо сама не своя сделалась. Думаю, жить не смогу, пока не отомщу!

– Вот, сгоряча-то ничего решать нельзя, – наставительно произнесла старшая сестра. – Посидели, подумали, разработали план. Теперь видишь, раз хозяина нет, то и Квазимоду этого убрали. А вы, – она повернулась к котам, – не смейте на площадку выбегать.

Коты упрямо мяукнули – весна, мол, не можем себя преодолеть.

Сестры выпили еще по две рюмочки, доели бутерброды и расслабились.

– Глядя на луч пурпурного заката... – проникновенным голосом начала Клавдия Андреевна.

– Стояли мы на берегу Невы... – вторила ей Глафира Андреевна.

– Вы руку жали мне... – но что это?

Из квартиры сверху раздался звон, грохот ударных, и дурной голос заорал что-то на непонятном языке.

– Да что же это такое! – в сердцах воскликнула Глафира Андреевна. – Клаша, ну сил же нет, опять этот Вовка музыку свою включает на полную мощность. Клаша, жить не смогу, пока магнитофон его дурацкий не сломаю!

Клавдия Андреевна отставила рюмку и внимательно поглядела на сестру.

– Опять ты торопишься, Глафира, – укоризненно сказала она. – Надо сесть, спокойно подумать, как лучше сделать. А ты порешь горячку. Вот ты сама-то сообрази: ну, ломаем мы ему магнитофон, так неужели ему родители новый не купят?

Глафира пристыженно молчала, устремив глаза на шкаф, где стояла медная старинная ступка с тяжелым пестиком.

Валентин уныло листал дело об убийстве Анатолия Матренина и со страхом думал, что скажет начальству. Откровенно говоря, в деле этом он не продвинулся ни на шаг, даже хахаля сердобольной соседки Ирины Маркеловой пришлось выпустить за отсутствием улик. Единственным достижением было избавление от бультерьера Квазимодо.

Капитан Мехреньгин вздохнул и подпер щеку рукой, как царевна Несмеяна из сказки. За соседним столом Жека Сапунов пытался печатать отчет, пользуясь допотопным компьютером.

Дверь кабинета открылась. На пороге появилась симпатичная девушка невысокого роста в строгом офисном костюме.

– Девушка, вы к кому? – пробасил Жека, оживленно приподнимаясь из-за стола.

– Что, я так сильно изменилась? – кокетливым тоном проговорила посетительница.

– Не понял... – Жека от волнения охрип и залился краской.

– Ты чего, Жека, – Мехреньгин удивленно взглянул на напарника, – это же Галя Кузина, практикантка наша...

– Чего?! – Жека уронил папку с протоколами, нагнулся поднять, снова выпрямился и уставился на Кузину. – Правда, что ли?

– А что – не нравится? – Галя бросила взгляд на свое отражение в дверце шкафа, поправила волосы. – Да мне самой не нравится, я так не привыкла... мне Валентин Иваныч для дела велел...

– Нет, мне нравится... то есть, я хотел сказать... да я не знаю... – И Жека, красный как помидор, вылетел из кабинета.

– Что это с ним? – удивленно спросила Галя.

– Понятия не имею, весна наверно! – отмахнулся Мехреньгин. – Ну, рассказывай – что тебе удалось узнать?

Галина ходила в офис фирмы «Сегмент», возглавляемой Виталием Короводским, под предлогом того, что она ищет работу офис-менеджера, проще говоря – секретарши.

В приемной фирмы «Сегмент» за хромированной стойкой сидела секретарша, девчонка с круглыми карими глазами, симпатичной ямочкой на подбородке и малиновой прядью в темных волосах.

– Вы к кому? – спросила она Галину.

– Меня прислали из кадрового агентства «Пилигрим»! – выдала Кузина домашнюю заготовку. – Сказали, что вам срочно требуется офис-менеджер...

– Чего-то они напутали! – проговорила девица. – У нас офис-менеджер есть, это я...

Тут же она насторожилась:

– Это что, меня втихомолку уволить хотят? Вот козел!

Галина захлопала глазами:

– Это ты про кого – про шефа? Как он вообще? Терпимо?

– Натуральный псих! – девица понизила голос. – Особенно последнее время. Буквально с цепи сорвался! Чуть что не так – прямо как собака набрасывается! Кофе ему остывший подала, так думала, он в меня чашкой запустит! Я уже увольняться решила...

– А тогда что же ты так разозлилась, что он новую секретаршу ищет?

– Ты что – не понимаешь? – вылупилась девчонка на Галину. – Одно дело – если я сама уйду, и совсем другое – если меня уволят! Особенно так, втихомолку... это все равно что с парнем: одно дело, если ты его бросишь, и совсем другое – если он тебя...

– Вообще-то да! – согласилась Галина с такой неопровержимо логичной мыслью. – Слушай, давай покурим...

Вообще-то Кузина не курила, она была сторонницей здорового образа жизни, но ради любимой работы жертвовала всем, даже собственным здоровьем.

Секретарша оживилась, вылезла из-за стойки и вышла с Галиной на площадку перед входом в офис.

– Так что, говоришь, начальник – настоящий козел? – спросила Кузина после первой затяжки. – Может, тогда мне не стоит и пытаться к вам устроиться?

– Ну, раньше он был ничего... – протянула девчонка. – Но сама посуди – работать в подчинении у тестя – это удовольствие не для слабонервных... вот он и стал психовать...

– У тестя? – переспросила Галя, насторожившись.

– Ну да, – девчонка стряхнула пепел. – Фирма принадлежала его тестю, Роману Васильевичу. Старик был крутой, зять бегал перед ним на задних лапках. Но тесть умер в прошлом году, и фирма перешла к его дочке, то есть к жене Виталия Андреевича. Она, правда, в дела фирмы не вмешивалась, полностью переложила их на мужа, а сама занималась дизайном одежды. Я раз была на ее показе – случайно билетик достался.

– Ну и как? – Галина вспомнила фотографию Маргариты Короводской – интересная женщина, видно, что и в голове что-то есть...

– Неплохо... – протянула девчонка, как будто она была не секретаршей, а владелицей модного журнала, – есть интересные идеи... Значит, она своим делом занималась, к нам в фирму – ни ногой. Но Виталий Андреевич нервничал еще больше, чем прежде, устраивал сотрудникам постоянные разносы...

– Так он, значит, вовсе и не хозяин! – разочарованно протянула Кузина. – Настоящая хозяйка его жена!..

– А вот и нет! – перебила ее секретарша. – Я же говорила, что она в дела фирмы не вмешивалась, Виталий всем тут после смерти тестя заправлял, а недели две назад ее вообще убили, так что теперь он – полноправный хозяин...

– Убили?! – переспросила Галина, изображая крайнюю степень удивления.

– Ну да, убили! Какой-то грабитель залез в их коттедж, пока Виталия Андреевича не было, и убил Маргариту Романовну. Такой ужас, наша бухгалтер на похороны ходила, все нам подробно рассказывала...

В это время дверь распахнулась от удара ногой, ручка стукнула о стену, отчего на светлой штукатурке появилась вмятина.

– Что это вы себе позволяете? – возмутилась секретарша, но слова застряли у нее в горле.

Вошедших было двое. Первый – толстый, причем самой вызывающей его частью было огромное «пивное» пузо. Второй – высокий, но за счет феноменально болезненной худобы казавшийся хлипким. Длинные черные волосы его лежали гладко, будто приклеенные, узкие губы презрительно сжаты.

– Как посетителей встречаешь? – вроде бы добродушно спросил толстый. – Этак всю клиентуру распугаете.

– Простите... – секретарша побледнела и заикалась, – я сейчас, сейчас вас представлю шефу!

– Не надо, – не разжимая губ, процедил худой, – сами дорогу найдем. А шеф твой с нами очень даже хорошо знаком, так что обойдемся без представлений!

– Давай! – оживленно прибавил толстый. – Давай, птичка, кофейку сообрази, пирожных там, конфеток... Да быстрее: одна нога здесь – вторая там! Нам некогда!

Секретарша метнулась к стойке. Галя по наитию отправилась за ней, стараясь выглядеть как можно незаметнее. Ни одна дверь не открылась, никто не вышел в холл, офис как вымер. Было такое чувство, что сотрудники попрятались и замолчали, как птицы перед грозой.

– Кто это? – едва слышным шепотом спросила Галя, помогая секретарше сервировать кофе.

– И сама не знаю... – прошептала та в ответ. – Они к шефу уже третий раз приходят. Он после разговора совсем чумной делается, хоть с работы увольняйся... Ой, сахар кончился! Я сейчас в бухгалтерии займу!

Она исчезла, а Галя, исподтишка оглядев холл, решила и нажала кнопку переговорного устройства.

– Ты, Виталик, похоже, нам не рад совсем, – послышался из динамика голос толстого визитера, – ну и ладно, мы ведь по делу пришли, так что нам твоя любовь по барабану. Копыто, видишь ли, нас прислал, интерес у него к тебе...

– Вы передайте ему, – заторопился незнакомый голос, судя по всему, принадлежащий хозяину кабинета, – вы передайте, чтобы он не беспокоился. Я...

– А чего ему беспокоиться? – это вступил в разговор худой. – Это ты, мразь, беспокоиться должен. Об органах своих кое-каких, которых очень даже просто можешь лишиться, да и вообще о жизни своей...

В голосе слышалась такая злоба, что Галя невольно вздрогнула. Директор же фирмы совершенно потерял лицо.

– Я же сказал! – закричал он не своим, высоким голосом и даже пустил петуха. – Я же сказал, что все будет в порядке! Только нужно время, фирму продать не так просто!

Галя воспользовалась тем, что в кабинете с грохотом упал стул, и выключила селектор.

– Так что мотив у Короводского просматривается очень даже серьезный, – проговорила Галина, изложив капитану все то, что ей удалось узнать в «Сегменте». – После смерти жены он унаследовал процветающую фирму. Только вот алиби...

– Очень даже серьезный... – согласился Мехреньгин. – А насчет алиби – это мы еще посмотрим!

В кабинет вошел Жека. Лицо его было красным, волосы мокрые – видно, сунул голову под кран, чтобы прийти в себя от нового внешнего вида практикантки. Глядя в сторону, он молча уселся за свой стол и закрылся папками.

– Да вот, кстати... – продолжал разговор Мехреньгин. – Опиши-ка еще раз тех двоих, что к Короводскому приходили...

– Ну, один толстый, другой очень худой. И страшный такой, волосы гладкие, прилизанные, голова маленькая, как у змеи, и шипит...

– Чего-чего? – вклинился в разговор Жека. – Ты, Валентин, когда это успел с Ленчиком и Сеней Бритвой пересечься?

– Думаешь, они? – оживился Мехреньгин.

– И не думаю, а точно знаю, она, – Жека мотнул головой в сторону Гали, – очень точно их описала.

– А кто они такие? – Глаза у практикантки горели.

– А это... это тебе Евгений лучше объяснит, – ответил Валентин, – он у нас по всяким криминальным личностям крупный специалист.

– Да что тут объяснять, – Жека зарделся от удовольствия, – довольно опасные типы на службе у одного такого... кличка ему Копыто. А они для него разные поручения выполняют, в частности, долги выколачивают.

– Точно, толстый говорил про какое-то копыто! – Галя просияла. – Так все же сходится! Этот Короводский должен Копыту большие деньги, так? А у него самого ничего не было, все жене принадлежало! Вот он и решил на преступление!

– Она права, – Валентин поглядел на Жеку очень серьезно, – все так и было.

– Доказательств-то у тебя нету! – буркнул тот.

– Будут! – твердо пообещал Мехреньгин. – Галя, как ты думаешь, тот манекен все еще в лесу лежит?

– А куда же он денется?

– Эх, Васька Стуков машину на профилактику отогнал, – вздохнул Валентин.

– А я-то на что? – оживился Жека. – Сейчас мы с Ку... с Галиной мигом смотаемся!

– Ну, двигайте. А я к Василию с серьезным разговором...

Мехреньгин нашел Стукова на обычном месте – в бистро «Три пескаря». Стуков ел рыбу по-гречески, запивая ее холодным пивом из запотевшего стакана.

– Привет, – буркнул он подозрительно, увидев возбужденное лицо Мехреньгина. – Ты поесть пришел, или как?

– Или как! – отозвался Мехреньгин, без приглашения усаживаясь за стол. – Вась, ты можешь вызвать к нам этого Короводского?

– Опять ты за свое! – горестно вздохнул Стуков. – Ну что тебе нейдет? Закажи рыбки, покушай... хорошая рыбка, свежая... пивка выпей холоденького... У меня вот праздник – теща уехала...

– Вася, не до рыбки! – отмахнулся Мехреньгин. – Убийца на свободе разгуливает, а ты пиво пьешь!

– Трудно с тобой! Знаешь, сколько на свободе убийц и разных других преступников? Что же нам, с голоду умереть? От этого никому пользы не будет!

– У тебя дело Короводской висит? Висит! Тебя шеф за него песочит? Еще как! Хочешь ты его раскрыть?

– Ну, допустим, хочу... так у этого Короводского железное алиби! Если я его опять таскать начну – он на меня своего адвоката напустит! У него адвокат знаешь какой – прямо бультерьер!

– Не напустит! – отмахнулся легкомысленный Мехреньгин, невольно вспомнив бультерьера Квазимодо. – Ты его только пригласи – а дальше уж я сам! И точно тебе говорю, что от его алиби камня на камне не останется!

– Ну, смотри, Валентин – если что не так, сам будешь перед Игорем Олеговичем оправдываться!

Виталий Андреевич Короводский вошел в кабинет капитана Стукова, кипя от возмущения.

– Чем вы тут занимаетесь?! – рявкнул он с порога. – Штаны за государственные деньги просиживаете? Занятых людей от работы отвлекаете?

Стуков оторвался от бумаг, разложенных на столе, и поднял на вошедшего озабоченный взгляд.

– Зря вы так, гражданин Короводский! Мы, между прочим, зарплату не за просто так получаем! В деле вашей жены выявились новые обстоятельства, в связи с которыми понадобилось задать вам несколько вопросов!..

– Какие еще обстоятельства? Какие еще вопросы? – Короводский держался с апломбом, но капитан почувствовал в глубине его глаз неуверенность, перерастающую в страх. – Вы мне уже все вопросы задали, и я вам на них ответил! Я, между прочим, тяжелый стресс пережил в связи с трагической смертью жены, а вы вместо уважения к моему горю...

– Не кипятитесь, гражданин Короводский! Я к вашему горю имею полное уважение и долго вас не задержу. Чем быстрее вы мне ответите – тем быстрее освободитесь! Выявились новые обстоятельства, поэтому...

– Ладно! – отмахнулся Короводский. – Раз уж я пришел – выкладывайте ваши обстоятельства, задавайте вопросы и оставьте меня наконец в покое!

– Хорошо, – Стуков поднялся из-за стола. – Для этого нам придется пройти в другой кабинет...

– В какой еще кабинет... – недовольно пробурчал Виталий Андреевич, однако послушно прошел за капитаном: очень уж ему хотелось узнать, какие это новые обстоятельства всплыли в деле об убийстве его жены.

Они вышли в коридор, дошли до лестницы, спустились на первый этаж, прошли еще немного и оказались перед дверью, на которой было написано «Архив». Капитан Стуков открыл эту дверь и пропустил Короводского вперед.

Виталий Андреевич оказался в большой полутемной комнате, окна которой были задернуты плотными шторами. Вдоль стен располагались металлические стеллажи, содержимого которых не было видно, поскольку все освещение комнаты состояло из настольной

лампы под зеленым абажуром, которая освещала только заваленный бумагами письменный стол. В комнате было душновато, хотя воздух разгонял вентилятор на высокой хромированной стойке.

Чуть в стороне от стола, в глубоком офисном кресле сидела вполоборота к вошедшим молодая женщина. Лицо ее тонуло в полумраке, однако Виталий Андреевич невольно застыл на месте.

– Что за дела... – пробормотал он, затравленно озираясь. – Кто эта женщина? Зачем вы меня сюда привели?

– Мы вас привели на очную ставку! – донесся из темноты незнакомый мужской голос.

С едва слышным скрипом кресло повернулось, и вместе с ним повернулась таинственная незнакомка. Теперь свет настольной лампы падал на нее, и Виталий Андреевич разглядел бирюзовый кашемировый свитер своей жены, каштановые волосы и... неживое лицо манекена.

– Черт! – выпалил Короводский, попятившись. – Уберите ее! Я не хотел! Мне пришлось! Это все Копыто...

Ему никто не ответил. В комнате стояла тишина, нарушаемая только ровным гудением вентилятора. Затем кресло снова повернулось, и лицо манекена скрылось в темноте.

– Надо было его сжечь... – пробормотал Короводский, опустив голову.

– Совершенно верно, – подтвердил капитан Мехреньгин, выходя из темноты. – Если бы вы сожгли манекен и одежду своей жены, мы вряд ли сумели бы разрушить ваше алиби. Но у вас, как я понимаю, не было на это времени. Вы действительно вернулись из Москвы на самолете, примчались в свой коттедж, вынесли манекен, положили его в багажник машины и отвезли в лесок подальше от своего дома... там вы кое-как забросали его прошлогодними листьями и вернулись в коттедж, чтобы вызвать милицию. Больше времени у вас не было – иначе возникли бы вопросы, почему вы так долго добирались из аэропорта.

– Ничего не понимаю, – подал голос оторопевший капитан Стуков. – А как же алиби...

– Вот его алиби, – Мехреньгин показал на кресло, соединенное веревкой с работающим вентилятором. – Он заранее раздобыл манекен, спрятал его, по-видимому, в кладовой. В день убийства ему действительно нужно было улететь в Москву. Он собрал вещи, спустился в холл, попрощался с женой... и убил ее ударом по голове. Затем поднялся на второй этаж, достал манекен, надел на него одежду жены, причем в спешке взял первые попавшиеся вещи, и усадил манекен в кресло перед окном. Кресло соединил с основанием включенного вентилятора таким образом, что оно время от времени поворачивалось, и казалось, что сидящая в кресле женщина двигается... должно быть, он замечал, что сосед-инвалид подглядывает в окна, и был уверен, что тот обеспечит ему алиби.

– Но сосед утверждал, что Маргарита Короводская сидела перед окном не всю ночь, а только вечером...

– Конечно! Потому что Короводский перед отъездом включил реле, которое выключило электричество в коттедже около полуночи. При этом отключился и свет, и вентилятор, и инвалид Скорпионов решил, что его соседка легла спать.

– Вы не знаете Копыто! – подал голос Короводский. – Это его идея... это страшный человек! Если бы я не заплатил ему денег, он мог бы... мог бы... У меня не было выхода. Этот старый людоед, отец Маргариты... Он все так оформил, что она даже если бы и захотела, не смогла бы забрать деньги из фирмы. Но она бы не захотела... Что ей с того, что меня могли убить?

– Зачем же вы связались с уголовником? – спросил Стуков.

– Гражданин Короводский играет в казино, – протокольным голосом произнес капитан Мехреньгин и добавил не так сухо: – Мне сообщил об этом сосед, сын того свидетеля, Скорпионова. Он как-то видел Короводского в «Олимпии», тот проиграл большую сумму.

Дверь архива распахнулась, и в комнату заглянул подполковник.

– Что это вы тут в темноте делаете? – спросил он подозрительно. – И какая зараза мой вентилятор сперла? У меня в кабинете и так дышать невозможно...

– Извините, Игорь Олегович! – Мехреньгин вытянулся, как на параде. – Здесь ваш вентилятор! Он нам для дела понадобился, для следственного эксперимента!

– Ну и как эксперимент? – грозно осведомился подполковник. – Успешно?

– Успешно! Гражданин Короводский уже дает признательные показания!

– Ну молодцы! Ну орлы! – подполковник Лось был растроган. – Ну обрадовали... Мехреньгин! Благодарность тебе в приказе будет!

– Да я не один старался, – ответил благородный капитан Мехреньгин. – Мы всем коллективом... Вон, Кузина отличилась...

– Достойная растет смена! – Игорь Олегович похлопал Галю по плечу и ушел.

Валентин подошел к окну. На улице бушевала весна. Солнце светило так ярко, как маяк на мысе Доброй Надежды, лужи просыхали на глазах, почки на деревьях лопались с явственным треском, все живое торопилось поскорее вырасти и расцвести.

– Валентин Иваныч! – сказала Галя. – Вы такой умный!

– Да ладно, – заскромничал Мехреньгин, – слушай, а что мы с тобой тут сидим? Рабочий день кончился, пойдем куда-нибудь... В кафе посидим, погуляем...

– Я не могу, – глаза у Гали сияли так ярко, что вполне могли соперничать с весенним солнцем, – меня Женя ждет.

«Вот так, – думал капитан Мехреньгин после Галиного ухода, – как по работе – так я самый умный, а как на свидание идти – так с Жекой... Ну да ладно, пойду домой, выплюсь, мне отгул полагается...»

Анна Ивановна поставила на пол две тяжеленные сумки, перевела дух и протянула палец к кнопке вызова лифта. Однако лифт не работал – кнопка горела красным светом.

Анна Ивановна прислушалась и поглядела вверх. Сверху раздавалось равномерное хлопанье автоматических дверей. Лифт застрял на третьем этаже – что-то мешало ему закрыться.

Капитана Мехреньгина разбудил телефонный звонок. Спросонья он никак не мог найти трубку и очухался, только когда услышал голос Васи Стукова, который нынче дежурил.

– Валентин, за тобой убийство Матренина по какому адресу числится? Сиреневый бульвар, дом одиннадцать? – орал Вася.

– Ну, – прохрипел Мехреньгин.

– Так я тебя обрадовать хочу! По тому адресу снова труп. Наши ездили – все то же самое, никто ничего не видел, никто ничего не знает! Маньяк, что ли, там орудует?

– Мама дорогая! – выдохнул Мехреньгин, сон с него слетел полностью. – А Лось что?

– А он сказал, что тебя вообще на фиг уволит! – злорадно сообщил Вася.

Убийцу с Сиреневого бульвара так и не нашли. Капитану Мехреньгину объявили строгий выговор.

Жека Сапунов женился на практикантке. Весна прошла быстро.

Мария Брикер. Кастинг на чужую роль

– Вот тварюга пернатая! – выругался Шалинский, брезгливо вытирая носовым платком липкий птичий помет с воротника куртки. – Не успел из дома выйти, и нате вам, весь в «гуане». Хотя... в народе вроде бытует примета, если птица нагадила на плечо, то это означает... Означает это... – Примета вертелась в голове – Шалинский напряженно задумался. «К счастью? Или к деньгам?» – предположил он, но ошибся, потому что в этот момент ему на голову упал кирпич...

* * *

«Таял снег, пачкая тротуары лужами и убегая веселыми ручейками в ржавые дождевые сливы. На деревьях беременели почки, облаканные мартовским солнцем, пели птицы, нежно пахло весной. Весна вползала в душу, тревожила сердце, распускаясь яркими бутонами тюльпанов в сердце. Любовь...

Любовь, как всегда, опаздывала. Уже на полчаса. Но Варя терпеливо стояла у входа в кинотеатр, рассеянно теребила ремешок сумочки и ждала. Он подошел сзади, дотронулся до плеча. Варя резко обернулась, обрадовалась, бросилась любимому на шею – он мягко ее отстранил.

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказал любимый, разглядывая свои модные ботинки из змеиной кожи.

– Да? Говори тогда, – подбодрила Варя, почему-то ощущая неловкость от того, что он разглядывает свои ботинки.

– Сейчас скажу.

– Ну говори же, говори..

– Да не дергай ты меня! – разозлился он, его взгляд скользнул по ее лицу и вновь сосредоточился на ботинках. – Понимаешь... Мы больше не можем... встречаться. Я не люблю тебя, прости. Ты милая, славная, но у меня другие планы».

– Вот урод! Да пошел ты со своими планами! Тьфу на тебя! Тьфу на тебя десять раз! Придурок штампованный. Штампы, сплошные штампы и розовые сопли. Вера! Где мой утренний кофе? Немедленно! Сию минуту принеси мне кофе! – Ангелина Заречная со злостью скомкала листы, исписанные изящным витиеватым почерком, и зашвырнула в угол комнаты, где кучкой лежали их братья-близнецы. Начать новый роман никак не получалось. Точнее, получалось, но выходило банально, а Ангелина Заречная, модная писательница современных любовных романов в стиле чик-лит,¹ светская красавица... бальзаковского возраста, ненавидела пошлость. Так она считала. И в интерьере ее квартиры не было ни одной тривиальной вещи, включая домработницу.

В комнату заглянула сухолица, остроносая особа – та самая нетривиальная домработница. Выглядела она, правда, обычно и одета была в среднестатистический для тружениц данной профессии наряд: строгое коричневое платье, кретинский кокошник и белоснежный крахмаленный передник.

– Газеты я спускалась свежие купить! И незачем орать во всю глотку! Нервы и без ваших воплей ни к черту, – поджав губы, проворчала женщина, продефилировала к журнальному столику и грохнула на него поднос. Изящная фарфоровая чашечка затанцевала

¹ Чик-лит – от *англ.* chick-lit, буквально – литература для цыпочек, легкое дамское чтение.

на блюдце, на свежие газеты и кремовую льняную салфетку из кофейника выплеснулось несколько капель. Собственно, именно в этом и заключалась оригинальность домработницы: Вера в выражениях не стеснялась и легко могла послать хозяйку в... или на... улицу за свежими газетами. Но не посылала, а каждое утро отправлялась за периодикой сама, хотя никто ее об этом не просил.

– Ой-ой-ой, какие мы нервные, – поддела Ангелина, присела на софу напротив журнального столика, налила себе кофейку и положила в чашку прозрачную дольку лимона. Ангелина любила кофе с лимоном и обожала шокировать официантов за границей своими оригинальными вкусовыми пристрастиями. Особо тупым после объясняла, что подобная мода пошла еще со времен русского царя Александра – какого именно, она не уточняла, так как не знала сама.

– Чем так недовольны? Опять, что ль, не прет? – смягчилась домработница.

– Ага, категорически не прет, – вздохнув, согласилась Ангелина. – Совершенно никакого настроения нет. Да и откуда? Откуда ему взяться? Погода гнусная, дожди льют, любовника нет. И душа, душа моя вся в смятенье. Вот уже неделя, как я живу не в ладу с собой. Полнейшая задница, – заключила Ангелина, сделала осторожный глоток кофе, двумя пальчиками отставила чашечку обратно на поднос и закурила сигарету в длинном мундштуке из карельской березы.

– А вы газетку-то прочтите, глядишь, настроение и наладится, – посоветовала Вера. Лицо экономки при этом было загадочным и довольным.

– Что такое? Неужели кто-то написал положительную рецензию на мои книги? – заинтересовалась Ангелина, выпустила пару рваных колечек дыма из ярко накрашенных губ, схватила газету и зашуршала страницами.

Заречная делала макияж, как только поднималась с постели. Наводить утренний марафет вошло у нее в привычку с тех пор, как она выскочила замуж – Ангелина пребывала в глубоком убеждении, что ухоженную женщину мужчины не бросают. Когда же муж ее оставил, несмотря на то что она всегда выглядела ухоженной, Заречная убеждений своих не поменяла. Менять жизненное кредо из-за каких-то тупых мужланов, не способных оценить ее тонкую душевную организацию, талант и ослепительную красоту, она считала ниже своего достоинства.

– Некрологи глядите, на последней странице, – деловито подсказала домработница.

Заречная, приподняв бровки, перевернула газету и сосредоточилась на чтении. Секунду в комнате стояла тишина, которая разорвалась радостным воплем писательницы:

– Свершилось! Какое счастье! – Ангелина вскочила с дивана и с блаженной улыбкой затанцевала по комнате с газетой в руке.

– Ну, я же говорила. Иногда в газетах приятные новости тоже печатают. И еще письмишко вам по почте пришло. Гляньте.

Вера игриво поболтала перед носом Ангелины конвертом. Заречная недовольно выхватила голубоватый прямоугольник из рук домработницы.

– Опять в мои письма свой длинный нос совала, паразитка, – раздраженно проворчала она – конверт был вскрыт.

– Вы кофий-то пейте, пейте, остывает ведь. Будете после орать, что холодный.

– Какой, к черту, кофе, Вера! Мой супруг скопытился! А ты говоришь – кофе. Фи, как можно! Давай-ка дуй за шампанским. Это дело нужно отметить. Сейчас же! Сию минуту! Немедленно! Выпью бокал и после поеду в адвокатскую контору выяснять вопрос о завещании. Мне велено явиться туда к четырем часам.

– Ох, – вздохнула экономка и пошуршала к двери.

* * *

«Мерзкая погодка», – подумала Прокопьевна. Москва, придавленная низкими свинцовыми тучами, хмурилась от дождей. Зонтик, как назло, прохудился, да и не с руки было стоять с зонтиком под узким козырьком табачного киоска. Ботинки тоже прохудились, с тоской глядя на свои войлочные боты, пришла к выводу Прокопьевна и пошевелила большим пальцем, который торчал из дырки. Ладно, не впервой – прорвемся. Прокопьевна поправила выгоревший платок, нацепила белые кружевные перчатки – свой талисман – и зорко осмотрела окрестности.

– Бабка, ты меня достала уже! Вали отсюда, чучело огородное! – раздался недовольный голос из окошка киоска.

– Сострадание нужно иметь к ближнему, голуба. И воздастся тебе на небесах! – пропела Прокопьевна, сунув в окошко мятый полтинник.

– Ладно, стой – разве ж мы звери, – сжалилась продавщица и рявкнула: – Только тужуркой к стеклу не жмись, Прокопьевна. Мне ж после мыть.

Старушка покладисто отлипла от стекла витрины.

У тротуара припарковалась серебристая «Ауди». Из машины вылез импозантный мужчина в длинном стильном плаще – Прокопьевна, почуяв добычу, сгорбилась, сощурилась и состроила на лице трагическую мину. Но мужчина, перепрыгивая через лужи, подошел к журнальному киоску. Прокопьевна было расстроилась, что потенциальный клиент проплыл мимо, но владелец «Ауди», купив газету, направился к табачке.

– Сынок, пенсию я потеряла всю. Поддай бабушке на хлебушек, Христа ради прошу! Кушать очень хочется, – загундосила она и подставила под нос клиенту «кружевную» ладонь.

– Бог подаст, – брезгливо отодвинул ее руку «сынок», расплатился за сигареты и потопал к своей иномарке.

– Жлоб! – потрясла ему вслед кулаком попрошайка.

– И не говори, Прокопьевна. Такой за копейку удавится, сразу видно, – подала голос из будки продавщица. – Смотри-ка, смотри-ка – газету в лужу уронил. Ай-ай-ай, какая неприятность, – ехидно добавила она. – Так ему и надо, морде буржуйской. Курить хочешь, Прокопьевна? Угощаю!

– Не курю я и тебе не советую – вредно это для здоровья, – отказалась бабка, наблюдая за отъезжающей иномаркой. Машина скрылась из виду, газета осталась лежать в луже. – Пойду гляну, что в мире дется. Давненько прессу не читывала, – оживилась Прокопьевна, трусцой доскакала до лужи, подняла газетку и, стряхивая с нее воду, вернулась к киоску.

– Прокопьевна, а ты кем работала, когда молодая была?

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– Ну, Прокопьевна, ладно тебе кочевряжиться. Давай рассказывай, иначе в следующий раз полтинником не обойдешься.

– Зараза ты, Зинка.

– Гы-гы-гы, – отреагировала на комплимент продавщица.

К киоску подошел следующий клиент, прыщавый молодой человек в облезлой кожанке, но Прокопьевне было не до него, она во все глаза смотрела на напечатанный в газете некролог и улыбалась широкой счастливой улыбкой.

– Возьмите, бабушка, – раздалось над ее ухом – парень протягивал ей десятку.

– Да пошел ты со своими деньгами! В смысле, пива лучше себе купи, сынок, – посоветовала бабуся ошалевшему юноше и обратилась к продавщице: – Слышь, Зинка, в оперном театре я работала. Ведущие партии исполняла.

– Ага, так я тебе и поверила, – в очередной раз заржала во все горло Зинка, и тут смех ее стих, потому что Прокопьевна открыла рот и...

– Тра-та-та-та тарам-па-па-па. *L'amour est un oiseau rebelle...* – выдала она на чистом меццо-сопрано и не менее чистом французском знаменитую хабанеру из оперы «Кармен».

Внутри табачного киоска послышался грохот, вероятно, Зинка упала со стула. А прыщавый юноша выронил изо рта сигарету. Прокопьевна тем временем, сорвав с головы платок и продолжая солировать, помчалась к дороге, выбежала на середину проезжей части и, размахивая руками, попыталась остановить несущийся на нее автотранспорт.

– Чума! – вылезла из окошка продавщица.

Парень молча вынул из пачки другую сигарету, сунул ее в рот не той стороной, прикурил фильтр и усиленно пытался затянуться, пока странную нищенку не увезла в неизвестном направлении попутка.

– Может, она объявление о шоу «Минута славы» в газете прочитала? Вот и ломанулась? – выдал свою версию молодой человек.

– Я бы тоже ломанулась, будь у меня такой голос, – поддержала его Зинка, опять скрылась в окне, и через секунду из киоска раздался ее прокуренный басок, исполняющий романс «Вдоль по Питерской».

Ни она, ни юноша так и не узнали, какое событие стало причиной необычного поведения попрошайки Прокопьевны (Нины Прокопьевны Вишняковской) – бывшей оперной дивы, красавицы и умницы, чья успешная карьера оборвалась сразу после финального аккорда в ее супружеской жизни с подпольным миллионером господином Шалинским – гадом ползучим, уродом и мразью, от которого она ушла на пятом году супружества, так и не добившись официального развода. Шалинский на ее уход отреагировал подлой местью, ударив по самой болезненной точке, – закрыл для Нины двери в оперу. Психушка помогла справиться с потрясением, алкоголь стер тонкую черту, за которую нельзя переступить, и для Нины Вишняковской открылась другая дверь – единственная, куда вход был свободный. Впрочем, Нина Прокопьевна была счастлива, а сегодня почувствовала себя счастливой вдвойне, потому что сволочь, которая сломала ей жизнь, отправилась в ад. Это чудесное событие следовало немедленно отметить.

С празднованием пришлось повременить: вернувшись домой, Вишняковская обнаружила в почтовом ящике конверт со штампом адвокатской конторы «Туманов и партнеры». В письме говорилось о смерти Шалинского и предлагалось сегодня, к шестнадцати часам, явиться в контору для уточнения некоторых формальностей, связанных с завещанием.

Сменив рабочую униформу на подобающий ситуации строгий черный костюм, лаковые туфли и шляпку с вуалью и потом умело замаскировав следы старости, нищеты и недавнего запоя на лице, Вишняковская направила свои стопы в Кривоколенный переулок. Душу ее терзали нехорошие предчувствия. Казалось странным, что явиться надлежало в адвокатскую, а не в нотариальную контору – Нина Прокопьевна чувствовала в этом какой-то подвох.

Предчувствия Вишняковскую не обманули, подвох обнаружился сразу, как только она в сопровождении секретаря вошла в кабинет адвоката Туманова.

– Нина Прокопьевна Вишняковская, вдова Шалинского, – представилась она, заметив в кабинете молоденькую блондиночку, словно сошедшую с обложки глянцевого журнала.

Жертва гламура, закинув ногу на ногу, сидела в кожаном кресле, напротив стола адвоката, и смотрела на нее с нескрываемым презрением.

– Очень приятно, присаживайтесь, Нина Прокопьевна. Меня зовут Дмитрий Евгеньевич Туманов, – привстал из-за стола привлекательный брюнет с бородкой-эспаньолкой.

– Чего? Не поняла прико-о-ола? Какая еще такая вдова-а-а? – протянула блондинка, сдув пухлыми губами прядку платиновых волос с загорелого лба. – Я вдова Мурзика – Мад-

лен Иванова. По паспорту вообще-то Маша. А эта тетка самозванка! Пусть убирается. И вообще, когда уже можно Мурзика забрать? И завещание получить?

– Да нет же, я вдова! Шалинский не подавал на развод! Вот мой паспорт и свидетельство о браке. – Нина Прокопьевна положила на стол документы.

– Вы не волнуйтесь. Присаживайтесь, пожалуйста, – вежливо предложил ей Туманов.

Нина Прокопьевна скромно присела на стульчик в углу комнаты и метнула в блондинку полный негодования взгляд. Мадлен в ответ состроила такую физиономию, что даже Туманов скривился.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась эффектная брюнетка с каре. Одета она была в стиле декаданс: узкое черное платье с глубоким декольте. Шею дамы украшало ярко-красное пушистое боа, в тон ему были подобраны туфли, сумочка, лак и помада.

– Какое горе! Как, как это могло произойти?! Ужасная трагедия! – всхлипнула она, манерно воздев глаза к потолку и приложив тыльную сторону ладони ко лбу. Помедитировав секунду в «кинематографической» позе, дама отмерла и перешла на деловой тон: – Позвольте представиться – Ангелина Заречная – вдова Эдуарда Шалинского!

– О, еще одна-а-а вдова-а-а нарисовалась! Я фигею, дорогая редакция, – округлила глаза Мадлен, по паспорту Маша.

– Что такое? Как это – еще одна? – приподняла бровки Ангелина.

– Все мы тут вдовы, – усмехнулась Нина Прокопьевна. – Причем подозреваю, что все мы тут вдовы законные.

– Вы совершенно правы, Нина Прокопьевна. В какой-то мере так оно и есть. Собственно, для этого я вас и пригласил, – снова встал со своего места Туманов. – Сейчас все вам объясню, уважаемые дамы. Я – адвокат Шалинского, представляю его интересы и в курсе всех его дел. Поэтому...

– Ну, Мурзик! Ну, козе-ел! Мало того, что импотент, так еще и многоженец! – перебила его Мадлен.

– Гнусный извращенец! – согласилась Ангелина. – Скотина подлая! Тварь поганая!

– Подонок! Негодяй! Сукин сын! – подала голос Вишняковская.

– Дамы, прошу вас, успокойтесь! Мы сейчас во всем разберемся! – попытался вмешаться Туманов, но на его робкую реплику никто не обратил внимания – вдовушки настолько вошли в раж, с азартом поливая своего покойного супруга, что остановиться уже не могли. – Может быть, кофе? – предпринял он еще одну попытку, тоже безуспешную. И Туманов, у которого уши свернулись в трубочку от изысканных нелитературных оборотов, притих, терпеливо ожидая, когда грязевой словесный поток иссякнет. Да, Шалинский оказался прав, подозревая, что одна из супружниц желает ему смерти, размышлял адвокат. Ошибался он лишь в одном – смерти ему желали все три.

Наконец дамы выпустили пар и постепенно успокоились.

– Итак, вернемся к делу, – обрадовался адвокат. – Как вы уже знаете, Шалинский скончался в больнице, куда его доставили от подъезда собственного дома с тяжелейшей травмой головы. Правоохранительные органы посчитали, что травму Шалинский получил в результате несчастного случая, и дело возбуждать не стали. Он с этим был категорически не согласен, полагая, что его заказали. Травма была несовместима с жизнью, Шалинский знал, что умрет, поэтому спешно вызвал своего нотариуса и написал завещание, в котором оставил все сбережения жене, но...

– Кому? – перебила адвоката Мадлен и нетерпеливо заерзала в кресле.

– У вас случайно выпить не найдется? – напряженно спросила Ангелина, обмахиваясь боа.

Нина Прокопьевна застыла, предчувствуя очередной подвох. И предчувствия ее вновь не обманули.

– Я не договорил, – сухо улыбнулся Туманов. – Дело в том, что претендентками на наследство является каждая из вас, так как имени наследницы Шалинский в завещании не обозначил. Но получит наследство только та, кто выполнит его последнюю волю – вычислит убийцу и засадит за решетку.

В кабинете воцарилась тишина.

– Вот сволочь поганая! – первой отреагировала Ангелина. – Даже перед смертью ухитрился очередную подлянку сделать.

– Офигеть! – сказала Мадлен.

Нина Прокопьевна промолчала, продолжая сидеть как изваяние.

– Позвольте, но как? Как мы сможем вычислить убийцу? Что за бред! Это незаконно! Где мы будем его искать? – возмутилась Ангелина.

– Простите, дамы, ничем не могу помочь, – развел руками Туманов. – Как вы знаете, у Шалинского двойное гражданство, и все свои деньги он держит в английских банках. Завещание он оформил с помощью своего лондонского нотариуса – это позволило ему обойти российское законодательство и составить документ в свободной форме. Попробовать что-то опротестовать – бесполезно. Так что ваша задача – найти убийцу, а моя – проследить за выполнением условий и назначить вдовой ту, которая выполнит волю покойного. В письме, которое я вам отправил, содержится краткая информация по происшествию. Желаю удачи.

– Ни хрена себе, как Мурзика от кирпича приплющило, – истерично хихикнула Мадлен.

Нина Прокопьевна поднялась и, не прощаясь, выскользнула за дверь. Заречная и Мадлен переглянулись и шустро потрусили следом.

* * *

К дому – элитной сталинской девятиэтажке на Университетском проспекте, – где располагалась московская квартира Шалинского, вдовы подъехали практически одновременно. Нина Прокопьевна на метро, Ангелина на такси, Мадлен на своей машине. Мыслили дамы в одном направлении: решив начать расследование убийства Шалинского с осмотра места преступления.

Далее мысли вдов потекли в направлениях разных: Ангелина бросилась в подъезд, чтобы познакомиться с консьержкой и по возможности опросить соседей. Мадлен фланировала по двору, расспрашивая о недавних трагических событиях собачников и владельцев машин, паркующих свои автомобили у подъезда. Нина Прокопьевна понеслась в местное домоуправление пытаться слесарей и сантехников, чтоб выяснить, как можно пробраться на крышу.

Через полтора часа... Заречная и Нина Прокопьевна вновь столкнулись у подъезда Шалинского – Ангелина выходила из парадного, Нина Прокопьевна, напротив, пыталась проскользнуть внутрь.

– Зря стараетесь, свидетелей все равно нет, – прошипела Ангелина, отпихивая Вишняковскую от двери.

– Раз нет, чего так волнуетесь. Пропустите! – волком глядя на модную писательницу, потребовала Нина Прокопьевна.

– С чего это вы взяли, что я волнуюсь? Ничего я не волнуюсь! Сказала же, бесполезно туда лезть! Или вы русский язык не понимаете?

– Понимаю!

– Тогда идите с богом!

– С какой это стати вы, голубушка, мне тут указываете? – уперла руки в бока Вишняковская.

– С той самой! – Заречная тоже уперла руки в бока.

– Вот вы, значит, как! Не хотите, значит, по-хорошему! – Нина Прокопьевна побегрела и со всей силы наступила Ангелине на ногу. Та взвизгнула, сорвала с шеи боа и несколько раз обмотала его вокруг стана бывшей оперной дивы.

– Отвечайте, что уже узнали! – требовала Ангелина.

– Пустите! Ничего я вам не скажу! – вопила Нина Прокопьевна, пытаясь размотаться.

Неизвестно, чем бы закончилась потасовка, если бы внимание озверевших вдовушек не привлекла бодро шагающая по двору Мадлен. Она тащила к своей машине пластиковый пакет явно с чем-то тяжелым.

– Похоже, эта стерва орудие убийства нашла! – насторожилась Ангелина и бросилась наперерез блондинке.

Нина Прокопьевна молча понеслась следом, наконец-то размотав надоедливый шарф из страусиных перьев и волоча его за собой по грязи.

Заметив бегущих к ней конкуренток, Мадлен развернулась и понеслась в обратном направлении. Бежать на шпильках и с кирпичом в пакете оказалось непросто, но молодость взяла свое, и прежде чем Мадлен окончательно выбилась из сил, она успела нарезать пару кругов вокруг дома. Усевшись на мокрую лавку на детской площадке, Мадлен крепко прижала пакет к груди и попыталась отдышаться. По обе стороны от нее рухнули на скамейку Ангелина и Нина Прокопьевна. Последней пробежка далась особенно тяжело, говорить она решительно не могла. Заречная выглядела бодрее и смогла выдавить из себя пару слов.

– Предлагаю перемирие, – прохрипела она.

Нина Прокопьевна кивнула и протянула ей грязный шарфик, Ангелина тоже кивнула и обмотала боа вокруг шеи.

– Козел! Какой же Мурзик козел! Ненавижу! – вздохнула Мадлен, продолжая бережно прижимать к себе пакет.

Ангелина и Вишняковская вновь кивнули, выразив свое полное согласие.

Некоторое время дамы сидели молча и, задрвав головы, задумчиво смотрели на крышу, откуда на Шалинского свалился кирпич.

– Что будем делать? – первой нарушила молчание Нина Прокопьевна, восстановив наконец способность говорить.

– А не выпить ли нам для начала? Что-то погода больно мрачная, – внесла свое предложение Заречная, и вдовушки одобрительно загудели.

Через полчаса кирпич, найденный Мадлен в песочнице рядом с домом Шалинского, лежал на журнальном столике в небанальной гостиной писательницы Ангелины Заречной, а бывшие конкурентки, сидя на софе и любуясь на улику, пили коньяк, запивали его кофе с лимоном и делились друг с другом полученной информацией. Всепоглощающая ненависть к супругу сплотила вдов – дамы решили поймать убийцу совместными усилиями, а после поделить деньги гада Шалинского на троих.

Удалось частично воссоздать картину происшествия. Ангелина, опросив жильцов подъезда и консьержку, нашла свидетеля, проживающего на последнем этаже, он видел, как за пару часов до трагедии на крышу дома поднялся некто в рабочей спецовке, темных очках и кепке. Свидетель знал в лицо всех работников местного домоуправления, но этого человека видел впервые, поэтому решил проявить бдительность и уточнил, с какой целью неопознанный субъект лезет на крышу. Незнакомец объяснил, что он телевизионный наладчик из коммерческой фирмы, работает по вызовам жильцов, у которых установлены спутниковые антенны, уверил также, что с местным домоуправлением все согласовано и там ему выдали ключ. Объяснение показалось убедительным, и свидетель на этом успокоился. Консьержка

рассказала Заречной похожую историю про мастера, домоуправление и ключи. Нина Прокопьевна же выяснила, что в тот день в домоуправлении ключей от крыши никому не выдавали. Посоветовавшись и сопоставив факты, вдовы пришли к выводу, что субъект в спецовке и убийца Шалинского – это один человек. Дальше расследование зашло в тупик. Где искать загадочного мужика, никто из вдовушек не знал.

– Вера! Принеси нам еще коньяку! Немедленно принеси нам еще коньяку! – крикнула Заречная и заходила по комнате. – Послушайте, дамы, а вам не кажется странным, что Шалинский именно нам поручил расследовать его смерть?

– Ага, – подтвердила Мадлен. – Колбаснуло его не по-детски.

– Верно! Чувствую я, здесь кроется какой-то подвох, – согласилась Нина Прокопьевна, опрокинув в себя остатки коньяка и с надеждой косясь на дверь.

– Возможно, Шалинский подозревал в покушении на его жизнь одну из нас? В том смысле, что одна из нас могла его заказать? – продолжила Ангелина.

– Я не заказывала, – Мадлен обиженно поджала губы.

– И я тоже не заказывала, у меня и денег на киллера нет, – тихо сказала Нина Прокопьевна.

– А если бы я запланировала убить эту мразь, то придумала бы более оригинальный способ! – Ангелина в раздражении уселась за рабочий стол спиной к собравшимся, посидела так с минуту и обернулась. – Тем не менее Шалинского кто-то убил. И кто бы это ни был, ему памятник нужно поставить за благое дело, а не ментам сдавать. У меня есть идея! Предлагаю убийцу Шалинского не искать!

– То есть как? – растерялась Мадлен. – А деньги?

– Какая вы мелочная, Мадлен! – ехидно поддела Ангелина.

– Ниче себе мелочная! Пять лимонов, не считая недвижимости!

– Все пред богом ответ будем держать за прегрешения наши тяжкие, – встряла Вишняковская и задумчиво добавила: – Может, нам адвоката подкупить? Все равно пять на три не делится.

– Фиг ему – деньги мы в любом случае получим, – возразила Ангелина.

– Как? – одновременно воскликнули Вишняковская и Мадлен.

– Очень просто. – Заречная прикурила сигарету, присела на подоконник, обвела присутствующих долгим взглядом и сказала: – Мы выследим и засадим за решетку какого-нибудь другого убийцу.

– Какого другого? – Мадлен окончательно растерялась.

Нина Прокопьевна, напротив, уловив в словах Заречной смысл, оживилась.

– Какая разница, какого убийцу, – отмахнулась Ангелина. – Ну... допустим, серийного маньяка какого-нибудь.

– Вы предлагаете подставить маньяка! – наконец дошло до Мадлен. – Офигеть!

– Идея потрясающая! – воскликнула Вишняковская. – Вам, Ангелиночка, не любовные романы надо писать, а детективные. Но позвольте спросить, голубушка, у вас уже есть на примете подходящая кандидатура?

– Пока нет, но разве в наше время найти маньяка проблема? Можно поискать информацию в газетах или Интернете.

– Слушайте! – подскочила на диване Мадлен. – Не надо ничего в прессе искать – у меня однокурсница работает секретарем в ГУВД. Деньги вечно кланчит и никогда не отдает. Такая чувырла! Лохушка мрачная! О! Если бы вы видели, какой отстой она на себя напяливает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.